

A detailed oil painting portrait of Peter III of Russia. He is depicted from the chest up, wearing a white powdered wig with large curls. His attire includes a dark blue coat with gold embroidery on the collar and cuffs, a red garment underneath, and a white lace cravat. The background is a dark, textured grey.

Олег
Иванов

ПЕТР III

ЗАГАДКА СМЕРТИ

УНИКАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОПШИНСКОЙ ДРАМЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ДОКУМЕНТОВ

Олег Иванов

Петр III. Загадка смерти

«Центрполиграф»

2018

УДК 929
ББК 63

Иванов О.

Петр III. Загадка смерти / О. Иванов — «Центрполиграф», 2018

ISBN 978-5-227-07838-4

Все очерки, помещенные в этой книге, в своей сущности затрагивают одну тему – смерть Петра III. Это событие имеет как научную, так и идеологическую стороны, которые часто перемешиваются. Говоря о последней, следует заметить, что смерть Петра Федоровича совпала с узловым пунктом развития России – началом царствования Екатерины Великой. С него, второго важнейшего этапа после Петра I, начинается стремительное усиление нашей Родины. Как в прошлом, так и в настоящем далеко не все в Европе были довольны таким ходом событий. С самого 1762 года началась кампания дискредитации Екатерины II и ее ближайших сподвижников. Недруги великой императрицы пытались и пытаются представить процесс преобразования в нашей стране в XVIII веке как результат цепи злодейств (как, впрочем, и всю историю России до 1917 года). Продолжает появляться много работ и популярных книг, в которых Екатерину II называют убийцей своего мужа, безнравственной и распутной женщиной. Но так ли все было на самом деле?

УДК 929

ББК 63

ISBN 978-5-227-07838-4

© Иванов О., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Предисловие	7
Очерк первый	9
Глава 1	11
Глава 2	27
Приложения	55
Приложение I	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Олег Иванов

Петр III. Загадка смерти

УНИКАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОПШИНСКОЙ ДРАМЫ

Предисловие

Все очерки, помещенные в этой книге, в своей сущности затрагивают одну тему – смерть Петра III. Это событие имеет как научную, так и идеологическую стороны, которые часто перемешиваются. Говоря о последней, следует заметить, что смерть Петра Федоровича совпала с узловым пунктом развития России – началом царствования Екатерины Великой. С него, второго важнейшего этапа после Петра I, начинается стремительное усиление нашей Родины. Как в прошлом, так и в настоящем далеко не все в Европе были довольны таким ходом событий. С самого 1762 года началась кампания дискредитации Екатерины II и ее ближайших сподвижников (особенно братьев Орловых). Заметное участие в ней принимали лица близкие к Н.И. Панину – «панинская партия», не смирившиеся с провалом их планов видеть императрицу регентшей.

Впоследствии особенно доставалось Екатерине II и ее сподвижникам от воинствующих демократов, а затем от историков-марксистов. Последние твердо шли в этом вопросе за своими вождями. Один из классиков этого течения – Ф. Энгельс называл в письме к К. Марксу переворот 1762 года «низостью» и «дрянью» (слова основоположников, к которым привлёк внимание читателей современный противник Екатерины II)¹. Последним удалось в 2004 году смазать славный юбилей – 275-летие со дня рождения великой императрицы (заметим, что в 1996 году международной конференцией было отмечено 200-летие со дня ее смерти). Однако опрос, проходивший в 2008 году в рамках телепередачи и пытавшийся выяснить наиболее популярного российского исторического деятеля, показал, что имя Екатерины II не совсем забыто и пользуется уважением у наших соотечественников.

Недруги великой императрицы пытались и пытаются представить процесс преобразования в нашей стране в XVIII веке как результат цепи злодейств (как, впрочем, и всю историю России до 1917 года). Продолжает появляться много работ и популярных книг, в которых Екатерину II называют убийцей своего мужа, безнравственной и распутной женщиной. Но так ли все было на самом деле?

Тут мы переходим к научной стороне вопроса. Действительные обстоятельства смерти Петра III до сих пор окружены тайной. Главные участники не оставили воспоминаний, предоставив благодаря этому большую свободу публицистам и литераторам, изошряющим свою фантазию (нередко весьма убогую) на подобных делах. Научный же анализ имеющихся фактов не проводился: до революции этому мешали секретность архивов и цензурные ограничения, а после – увлечение историческими закономерностями, борьбой классов и презрительное отношение к деятелям дореволюционной истории, особенно царям и императорам (кроме тех, которые по каким-то особым причинам привлекали интересы властей). До сих пор отсутствует полный и всеобъемлющий анализ депеш иностранных дипломатов, работавших в России, а также их особых записок.

Приведенные ниже очерки говорят о том, что можно еще найти новые материалы, как в наших, так и в зарубежных архивах; да и опубликованные ранее документы могут принести интересные данные для решения рассматриваемой проблемы. Кроме того, возможны и новые интерпретации уже хорошо, казалось бы, известных фактов. В данной работе мы попытались дополнить неизвестные страницы *ропшинской драмы* с помощью изучения судеб действующих в ней лиц (и даже самой Ропши), особенно тех, кто дожил до времен Павла I.

Эта книга возникла из работ, написанных в начале 90-х годов. Признаемся, что попытка публикации их вызвала сопротивление в редакциях исторических журналов. Сомневаясь в правильности выводов, мы попросили прочесть нашу работу профессора Н.Ф. Демидову, профессора А.И. Юхта и профессора А.Б. Каменского, которые в основном поддержали наши догадки и предположения. А.Б. Каменский рекомендовал упомянутую работу на конферен-

цию, посвященную 200-летию со дня смерти Екатерины II (Петербург, 1996 год). Автор с признательностью вспоминает доброе отношение названных ученых.

Благодаря поддержке А.Ф. Грушиной, главного редактора «Московского журнала», часть из наших текстов все-таки удалось опубликовать. Речь идет о следующих работах: «Загадки писем Алексея Орлова из Ропши» (1995. № 9, 11, 12; 1996. № 1, 2, 3), «Княгиня Е.Р. Дашкова и граф А.Г. Орлов: причины конфликта» (1996. № 9—12; 1997. № 1), «Смерть Екатерины II и судьба А.Г. Орлова-Чесменско-го» (1998. № 5—8). С помощью К. Писаренко в сборнике «Загадки русской истории. XVIII век» была опубликована (с некоторыми сокращениями) работа «Павел – Петров сын?». В передаче Первого канала ТВ «Искатели» был использован материал «Смерть Петра III», помещенный в самом конце этой книги.

Но некоторые работы так и остались в рукописи: «П.Б. Пассек», «Князь Ф.С. Барятинский», «Врачи», «Ропша», «Из “первых пособников Екатерины Великой”». Статьи «Фантомы», «Г.Н. Теплов» долго существовали в виде подготовительных материалов. Для опубликованных работ время сыграло положительную роль: удалось найти новые материалы, а также благодаря поддержке редактора журнала «Наука в России» Л.В. Маньковой провести криминалистические экспертизы документов, подтвердившие во многом наши выводы (прежде всего, о подложности широко известного «третьего письма А. Г. Орлова из Ропши»).

Представленная работа была в основном готова к концу 2006 года, но издать ее в полном объеме (включая многочисленные иллюстрации) до сих пор не удавалось, несмотря на обращения в разные издательства и к власти предредакционной. Мы сознаем, что во многом публикации нашего исследования мешал его объем. Нам хотелось наиболее полно осветить мельчайшие подробности исторической загадки – смерти Петра III и сопутствующих ей обстоятельств. Естественно, что за прошедшие 10 лет нами вносились в книгу некоторые правки и дополнения.

Теперь необходимо сказать слова благодарности тем, кто меня поддержал и помогал в работе над книгой. О некоторых мы уже упомянули выше. После появления наших первых статей большую поддержку нам оказывал и оказывает известный знаток истории Екатерины II —

В. С. Лопатин. Без его дружеских замечаний и одобрений было бы трудно вести исследование. Мы всегда будем помнить многих работников архивов, оказавших серьезную помощь в нашей работе; назовем только некоторых: А.И. Гамаюнова (РГАДА), И.С. Тихонова (ГА РФ), Е.Е. Рычаловского (РГАДА), а также В.В. Косорукову, работавшую заведующей читальным залом ЦГИА Москвы. Автор приносит благодарность сотрудникам Института криминалистики ФСБ за проведенные ими экспертизы. С благодарностью мы упоминаем тут имя известного судмедэксперта профессора Ю.Н. Молина (Санкт-Петербург), любезно согласившегося прокомментировать документы о смерти Петра Федоровича. Автор искренне признателен своим коллегам доценту В.А. Шашенкову и доценту Д.Л. Рыжкову за помощь в переводе французских текстов.

Приношу сердечную благодарность членам моей семьи, которые способствовали моей работе, не оставлявшей ни минуты свободного времени.

Очерк первый

Загадки писем Алексея Орлова из Ропши

Холодный пепел мертвых не имеет заступника, кроме нашей совести: все безмолвствует вокруг древнего гроба! Глубокая тишина его прерывается только благословениями или проклятием идущих мимо и читающих гробовую надпись. Что, если мы клеветаем на сей пепел; если несправедливо терзаем память человека, веря ложным мнениям, принятым в летопись бессмыслием или враждою?

Н.М. Карамзин

Торжество исторической критики – из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивали.

В.О. Ключевский

24 сентября (5 октября по н. ст.) 1735 года родился Алексей Григорьевич Орлов – один из виднейших деятелей екатерининского царствования. Природа соединила в нем самые различные качества: сентиментальность и богатырскую силу, храбрость и осторожность, доброту и расчетливость, простоту и хитрость. Чем бы ни занимался Алексей Григорьевич, во все он вкладывал свою необыкновенную одаренность: шла ли речь о сражении с турками при Чесме или о выращивании новой породы голубей. Уже один орловский рысак обессмертил своего создателя.

Однако судьбе было угодно связать имя Алексея Орлова не только с блестящей, но и с темной стороной крупнейших исторических событий: восшествием на императорский престол Екатерины II и смертью Петра III, победным пребыванием русского флота в Средиземном море и поимкой «княжны Таракановой». Из двух названных событий образовался своеобразный порочный круг: говорящие об убийстве Петра Федоровича Алексеем Орловым для лучшего обоснования своего утверждения ссылаются на «низкий поступок с доверчивой Таракановой», а проливающие слезы у известной картины К.Д. Флавицкого указывают на жестокое убийство бывшего императора. Сколько же слухов, легенд сплетено и сплетается вокруг этих событий: чем меньше знают, тем больше выдумывают.

Это старая проблема истины и вымысла, истории и литературы. Несомненно, и то и другое должно существовать. Однако вымысел, порочащий имя человека, вина которого не доказана, дело совсем другого рода. Через 70 лет после того, как Н.М. Карамзин написал слова, приведенные в качестве эпиграфа данной работы, П.А. Вяземский выступил против подобного отношения к историческому прошлому: «С кладбищем и могилами должно также обращаться осторожно и почтительно. Не подобает, не следует переносить на кладбище всякие слухи и сплетни, подобные тем, которыми пробавляются в салонах живых. Воейков говаривал: с мертвыми церемониться нечего, ими хоть забор городи. К сожалению, у нас случается, что по поводу мертвых городят всякую чепуху, а иногда если и говорят правду, то такую, которую лучше промолчать. Не всякая правда идет в дело и в прок; правда, не кстати, не во время неприлично сказанная, не далеко отстоит от лжи; часто смешивается с нею. Хороша историческая истина, когда она просветляет историю, событие или лицо: когда старое объясняется, обновляется еще не изданными, неизвестными указаниями, источниками, хранившимися дотоле под спудом»².

А что же граф Орлов? Он ведь знал о российских слухах и зарубежных сочинениях, содержащих обвинения против него³. Объяснение тут, пожалуй, только одно: граф Алексей Григорьевич дал Екатерине II клятву молчать и молчал. А.Г. Орлов, по-видимому, виновен в

смерти Петра III. Но как и насколько? До сих пор никто точно не знает, как и когда умер Петр Федорович, кто его смерть организовал и кто был непосредственным исполнителем.

Долгое время убийством Петра III и «княжной Таракановой» занимались преимущественно писатели, поскольку для большинства историков секретные фонды государственных и царских архивов были недоступны, да и пробиться через цензуру было весьма трудно. После революции в центре внимания ученых оказались исторические закономерности и борьба классов. В настоящее время наблюдается вполне понятное повышение интереса к историческим личностям и их влиянию на судьбы России. Нередко, к сожалению, происходит простое тиражирование старых взглядов и биографий без критического их исследования и привлечения архивных данных. Так, со страниц журналов, книг, с экранов телевидения звучат древние легенды и сплетни (нередко весьма грязные), а также их многочисленные скороспелые комбинации, выдаваемые за нечто сенсационно новое. Каждый, кто занимался историческими исследованиями, знает, с каким трудом добываются крохи исторической истины и что необходимы годы, чтобы собралось нечто заметное обыкновенному взгляду.

Глава 1

Ропшинские документы

Одним из важнейших и замечательных периодов российской истории явилось царствование Екатерины II. Однако его начало было омрачено смертью Петра III, свергнутого в результате переворота 28 июня 1762 года. События, происходившие в Ропше, куда был отослан бывший император, покрыты плотной завесой секретности – непосредственные участники сумели сохранить тайну. Это породило массу домыслов и версий, порой самых невероятных и противоположных.

Только в начале XX века исследователи смогли познакомиться с содержанием хранившихся до этого времени в глубокой тайне документов, связанных с пребыванием Петра Федоровича в Ропше. Впервые все эти документы увидели свет в XII томе академического издания сочинений Екатерины II в 1907 году⁴. Никаким особым комментарием (палеографическим или историческим) документы не сопровождались, да и помещены они были в примечаниях. В их состав входили: три письма Петра III к Екатерине (для удобства обозначим их: ПФ1, ПФ2, ПФ3), написанный его же рукой список вещей: платья, белья и орденов (СВ), а также два письма А.Г. Орлова к императрице (ОР1 и ОР2). Ранее, в 1881 году, было опубликовано письмо Орлова, извещавшее о насильственной смерти Петра Федоровича (ОР3), с комментарием Ф.В. Ростопчина (КР). Письмо это сохранилось якобы лишь в копии, поскольку подлинник уничтожил Павел I.

В 1908 году появился сборник «Переворот 1762 года», в котором были приведены почти все документы (без СВ), скорее всего перепечатанные из XII тома сочинений Екатерины II. В 1911 году в № 5 «Русского архива» П.И. Бартенев напечатал все документы (снова без СВ) по копиям историка Н.К. Шильдера. Судя по этой публикации, сам Шильдер не видел подлинных документов, так как в его списках содержались серьезные искажения подлинного текста. Так, например, в ОР1 вместо фамилии *Потемкин* появилась фамилия *Паточкин*, а вместо хорошо читаемых в подлиннике слов «и нам это несколько весело» стоит «и нам это нисколько не весело». Кроме того, Н.К. Шильдер неверно датировал письма Петра III и т. д. Для нас остается загадкой, почему такой знаток, каким являлся Бартенев, поместил в своем журнале столь неисправные копии, когда были уже известны подлинники (сам Петр Иванович в той же публикации ссылается на «академическое издание записок Екатерины»⁵). К сказанному следует добавить, что другой известный историк – В.А. Бильбасов, специально занимавшийся историей Екатерины II, – ничего не знал о Ропшинских документах. После 1917 года, насколько нам известно, специальных их исследований не производилось, хотя они, судя по листу использования, побывали в руках нескольких исследователей. Напомним, что ныне все документы хранятся в Российском государственном архиве древних актов⁶.

Письмо А.Г. Орлова от 2 июля 1762 года

Первое письмо Орлова написано на полулисте светлой иностранной бумаги⁷. Оно было сложено в $\frac{1}{8}$ и, по-видимому, запечатано вместе с упоминаемым в нем, но несохранившимся списком команды Орлова. Обращает на себя внимание, что, написав большую часть одним пером, Орлов закончил письмо новым. Кроме того, несколько слов (выделенных нами курсивом) надписаны над строкой.

«Матушка милостивая государыня здравствовать вам мы все желаем нещетныя годы. Мы теперь по отпуске сего писма и со всею камандою благополучны, толко урод наш очень занемог

и схватила ево нечаенная колика, и я опасен, штоб он севоднишную ночь не умер, а болше опасаясь, штоб не ожил. Первая опасность для того, што он вено здоров говорит *и нам это несколько весело*, а другая опасность што он действительно для нас всех опасен для того што он иногда так отзывается, хотя в прежнем состоянии быть.

В силу имьянова вашего повеления я салдатам денги за полгода отдал, також и ундер-афицерам, кроме одного Потюмкина¹ вахмистра для того, што он служил бес жалованья. И салдаты некоторыя сквозь слезы говорили про милость вашу, што оне еще такова для вас не заслужили за шоб их так в короткое время награждать их. При сем посылаю список вам всей команде, которая теперь здесь. А тыщери рублиов матушка не достала и я дополнил червонными, и у нас здесь было много смеха над гренодерами об червонных, когда оне у меня брали, инья просили для того што не видовали и опять их отдавали, думая што оне ничего не стоят. Посланной Чертков к вашему величеству обратно еще к нам не бывал и для того я опоздал вас репортовать, а сие пишу во вторник в девятом часу в половине. По смерть ваш верны раб *Алексей Орлов*».

«Вся команда» Орлова, судя по запискам Екатерины II и воспоминаниям Е.Р. Дашковой, состояла из четырех² обер-офицеров (поручика М.Е. Баскакова, подпоручика князя Ф.С. Барятинского, поручика П.Б. Пассека и подпоручика Е.А. Черткова, упомянутого в письме), а также ста человек унтер-офицеров и солдат. Все они подбирались из разных гвардейских полков А.Г. Орловым и названными четырьмя офицерами⁸.

Называя Петра Федоровича «уродом», Алексей Орлов использовал определение, данное племяннику Елизаветой Петровной и, по-видимому, закрепившееся за ним⁹. Что касается болезни «урода», то вполне возможно, что в этом сообщении имелась большая доля правды. Так, Я.Я. Штелин в своих записках сообщает, что 29 июня после возвращения из-под Кронштадта императору «несколько раз делается дурно, и он посылает за священником тамошней русской церкви». Известно, что Петр Федорович сильно страдал от геморроя, так что не мог долго сидеть на одном месте, а постоянно ходил по комнате (об этом он сам пишет в ПФ1). К этому надо добавить, что Петр Федорович много пил вина, к которому пристрастился с десятилетнего возраста. По-видимому, А.Т. Болотов сообщает правдоподобные сведения о том, что бывший император испытывал от болезни такие страдания, «что крик³ и стенания его можно было слышать даже на дворе»¹⁰.

«Здор», о котором упомянул А. Орлов как о «первой опасности», возможно повторял обещание Петра Федоровича, изложенное в несохранившемся его письме от 29 июня, в котором он якобы обещал уставить виселицами дорогу от Ораниенбаума до Петербурга. Подобная угроза вероятна в свете того, что Петр III говорил княгине Дашковой о необходимости возобновления смертной казни: «...Если проявить слабость и не наказывать смертью тех, кто этого заслуживает, могут иметь место всякого рода беспорядки и неповиновения». Правда, ни сама Дашкова, ни Екатерина II в своих записках об этом письме не упоминают. Однако хорошо

¹ Обращает на себя внимание написание А.Г. Орловым фамилии Г.А. Потемкина: *Потіѳмкин*, то есть как произносилось в XVIII веке и произносится сейчас (в отличие от написания); кроме того, в цитированном письме также написаны слова *рубліѳв*, *всїѳд*. Сочетание *їѳд* впоследствии было заменено Н.М. Карамзиным на *ѳд* (некоторые исследователи полагают, что это изменение внесла Е.Р. Дашкова).

² В письме к Ст.-А. Понятовскому от 2 августа 1762 года Екатерина II пишет, что сначала (то есть до поездки в Ропшу) она дала Петру Федоровичу «для охраны его особы» «шесть офицеров и несколько солдат». Однако в особой записке, очень близкой по содержанию к упомянутому письму, императрица сообщает о том, что уже в Петергофе дала для охраны Петра Федоровича «четыре офицера, под начальством Алексея Орлова» (*Екатерина II. Записки*. С. 566, 509).

³ Вот что писал Болотов о голосе Петра Федоровича: «Голос у него был очень громкий, скаросый (по В. Далю, *скоросый* — сердитый, сварливый. — *О. И.*), неприятный, и было в нем нечто особое и такое, что отличало его так много от всех прочих голосов, что можно было его не только слышать издали, но и отличать от всех прочих» (*Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им для своих потомков*. М., 1993. Т. 2. С. 111). Кричал же Петр Федорович по-немецки, поскольку, как рассказывал Н.И. Панин, только на этом языке и говорил (РА. 1879. Кн. 1. № 3. С. 364).

осведомленный о событиях того времени секретарь датского посольства А. Шумахер пишет, что Петр Федорович «приказал тогдашнему кабинет-секретарю Волкову составить письмо в Петербург Сенату, в котором он строго взывал к его верности, оправдывал свое поведение в отношении собственной супруги и объявлял юного великого князя Павла Петровича внебрачным ребенком. Но офицер, которому повелели доставить это послание, вручил его императрице, а она, как легко можно заключить, не сочла полезным его оглашать»¹¹. «Другая опасность» – желание Петра Федоровича «в прежнем состоянии быть», то есть отказаться от своего письменного отречения (если оно вообще существовало; об этом ниже в очерке, посвященном Теплову) от императорского престола, последовавшего 29 июня. Опасность, несомненно, грозная в тот неясный переходный период.

Что же касается полугодового жалования вперед солдатам и унтер-офицерам, то удалось выяснить следующее. 2 июля последовало «высочайшее соизволение» Екатерины II о выдаче «бывшей здесь в Санкт-Петербурге лейб-гвардии, також армейским и кронштатцким матрозам и гарнизонным полкам унтер-афицером, капралом, рядовым и протчим нижним чинам пожалованного им от ее императорского величества за бывшей 28 числа июня порад невзачет за полгода жалованье». К сожалению, в соответствующем архивном деле далеко не все ведомости сохранились: нет ведомостей гвардейских полков, нет и упомянутого списка команды А.Г. Орлова. Известно только, что Преображенский полк получил 41 тысячу рублей, Семеновский – 27, Измайловский – 25, Конная гвардия – 14 тысяч рублей. Сколько получили нижние чины в этих элитных частях? Например, в Невском гарнизонном полку сержанты получили 7 рублей 60 и $\frac{1}{2}$ копейки, каптенармусы и подпрапорщики по 7 рублей 13 копеек, капралы – 6 рублей 12 копеек, гренадеры и солдаты по 5 рублей 44 и $\frac{1}{2}$ копейки, барабанщик – 2 рубля 12 и $\frac{1}{4}$ копейки. Эти деньги выдавались, как обычно, серебряной и медной монетой. Отсюда, кстати сказать, объясняется «смех над гренадерами», когда Орлов давал невиданные ими «червонцы». Еще со времен Петра I в России чеканили золотые *одинарные* и *двойные червонцы*, на которых отсутствовал номинал (это-то, по-видимому, и смутило гренадеров). При Елизавете Петровне также было несколько таких выпусков. Последние в ее царствование приходились на 1755 и 1757 годы⁴. Как указывают специалисты, они расценивались так: 1 червонец – 2,5 рубля. Кроме того, во времена императрицы Елизаветы выпускались и золотые «монеты для дворцового обихода». Что под этим понималось, не совсем понятно; может быть, ими выдавали зарплату придворным. Согласно данным В.В. Узденикова, основной выпуск подобных монет был произведен в 1756 году (отчеканили 8712 двухрублевых монет и 5655 рублевых), а последний выпуск двухрублевых монет был в 1758 году и отчеканили его в Москве¹². Может быть, и их давали гренадерам. Любопытно, что в 1762 году на Московском монетном дворе были отчеканены золотые монеты достоинством 10 рублей с портретом Екатерины II (аналогичные по номиналу монеты Петра III чеканились в Петербурге), а в столице с портретом новой императрицы были отчеканены монеты достоинством в 5 рублей¹³.

Несомненно, что члены команды А.Г. Орлова получили значительно больше, чем воины Невского гарнизонного полка, а возможно, и другие гвардейцы, откуда и произошел перерасход в 1000 червонцев.

Заметим, что доверие солдат, участвовавших с Алексеем Григорьевичем в перевороте 28 июня, будущий герой Чесмы оправдал: по представлению А.Г. Орлова его солдаты выходили в отставку с сержантским чином и с пенсионом по 40 рублей в год, а в момент отставки им давалось по 100 рублей «для исправления на первый случай». Многие же другие солдаты –

⁴ Примечательно, что в Петербурге в 1762 году был отчеканен червонец с портретом Петра III и также без обозначения номинала (Уздеников В.В. Монеты России. 1700–1917. С. 25).

участники переворота, ничего не получившие и не имевшие средств к существованию, – оказались или в монастырях, или отдавались «под расписку» разным вельможам¹⁴.

Почему Г.А. Потемкин служил без жалованья – неясно. Но такой факт, несомненно, должен был привлечь внимание Екатерины II, которая, судя по тому, как упомянут Потемкин в письме, его тогда еще не знала (или об этом не знал А. Орлов, что маловероятно). Когда императрица писала С.А. Понятовскому 2 августа 1762 года, что «в конной гвардии один офицер по имени Хитрово, 22 лет, и один унтер-офицер 17-ти, по имени Потемкин, всем руководили со сметливостью, мужеством и расторопностью», она, скорее всего, использовала позднейшую информацию, ошибаясь при этом в возрасте Потемкина – ему было 22 года. Напомню, что до переворота Григорий Александрович служил в Конной гвардии, отданной Петром III под начало своего любимого дяди Георга Голштинского. Последний прибыл в Петербург в январе 1762 года. Принц Георг обратил внимание на складного вице-вахмистра и сделал его своим ординарцем, а через некоторое время Потемкин стал вахмистром.

Бескорыстие его, а также ревностная поддержка Екатерины II были высоко оценены последней: Потемкин становится подпоручиком, а также получает 400 душ крестьян в Московском уезде. По непонятным причинам его миновали награды в дни коронавания, хотя что-то и планировалось. Однако уже 30 ноября 1762 года он жалуется камер-юнкером, оставаясь при Конной гвардии, и получает таким образом дополнительное жалованье¹⁵.

Обращает на себя особое внимание концовка первого письма Орлова: «...Я опоздал вас репортовать». По-видимому, А.Г. Орлов должен был регулярно – ежедневно или, судя по указанию времени дня, чаще докладывать о состоянии дел в Ропше Екатерине. Тут возникает закономерный вопрос: почему сохранились только два рапорта Алексея Григорьевича? Не исключено, что какие-то сообщения передавались устно, однако этот способ был связан с рядом очевидных трудностей: искажением передаваемой информации, неумышленным или преднамеренным, и потерей секретности⁵. На поставленный выше вопрос возможны два ответа: *или Петр Федорович жил на несколько дней меньше, чем указывалось в официальной версии, или часть рапортов Орлова исчезла.*

Не исключая полностью последнего варианта, мы после изучения ряда материалов склоняемся к первому. Согласно официальной версии, изложенной в манифесте от 7 июля, Петр Федорович умер 6 июля. Упомянувшийся выше Я. Штелин считает, что это случилось 5 июля. А. Шумахер утверждает, что убийство бывшего императора произошло 3 июля. Эту же дату называл и хороший знакомый датского дипломата – А.Ф. Бюшинг. В своем «Жизнеописании» он буквально писал: «Третьего июля – день смерти императора; 6-го императрица была извещена о его смерти, и 7-го тело было доставлено из Ропши в Петербург в монастырь святого Александра Невского...»¹⁶

В.А. Бильбасов не видел оснований, чтобы ставить под сомнение официальную версию и принять точку зрения Шумахера – Бюшинга или Штелина. Весьма любопытно, что упомянутый историк заметил одну важную странность: после 2 июля отсутствовали документы о переводе Петра Федоровича в Шлиссельбург. Этот факт Бильбасов интерпретирует как изменение точки зрения Екатерины на сохранение жизни супругу; но, скорее всего, причиной явилась ранняя смерть бывшего императора¹⁷.

Странно, что Бильбасов никак не опровергает и не ставит под сомнение сообщение А.Ф. фон Ассбургга, датского посла в России с 1765 по 1768 год, о дате смерти Петра Федоровича. В сборнике, составленном из бумаг Ассбургга и появившемся в Берлине в 1842 году, опубликован на французском языке документ под названием «Записка о свержении с престола Петра

⁵ «...А устные повеления через третье лицо, – писала Екатерина II в своих «Записках», – строго говоря, могли быть плохо поняты и подвергнуться тому, что их также плохо передадут, как плохо примут и поймут» (*Екатерина II. Указ, соч. С. 437*). Можно предположить, что этот вывод был сделан ею еще в бытность великой княгиней.

III». Она составлена по рассказам Н.И. Панина. Для того чтобы оценить достоверность этой «Записки», следует иметь в виду, что ее писал не только умный и знающий дипломат, но близкий друг Панина.

Ассебург и Никита Иванович Панин познакомились в Швеции, где первый был послом Дании, а второй – России. В июне 1759 года во время сильного пожара в южном пригороде Стокгольма, где жили оба посла, барон Ассебург помог спасти русский посольский архив, а также личные ценности Панина, поместив их в свой дом. Дружба, начавшаяся в Стокгольме, продолжалась вплоть до смерти Никиты Ивановича. После восшествия Екатерины II на престол по инициативе Панина Ассебург с 1765 года стал представлять интересы Дании в России. В это время он занимался вопросом о голштинском наследстве великого князя Павла Петровича (речь шла о проблеме возвращения Голштинии Шлезвига⁶), что и было успешно завершено в 1768 году. Императрице, судя по всему, так понравился датский посланник, что после его ухода в отставку с датской службы она 7 декабря 1771 года именным указом приняла барона с чином действительного тайного советника в русскую службу. Д.И. Фонвизин сообщал Н.И. Панину в начале января 1772 года о том, что Ассебург «принят в службу как человек великих достоинств и способный на всякое большое дело». Более того, Ассебургу было поручено секретнейшее и деликатнейшее дело – найти великому князю Павлу Петровичу невесту... В 1773 году барон Ассебург был пожалован орденом Святого Александра Невского и назначен уполномоченным министром при сейме в Регенсбурге¹⁸.

Этот стоявший столь близко к главному участнику событий 28 июня – Н.И. Панину – человек пишет, что Петр Федорович погиб в Ропше 3 июля. Несмотря на то что Ассебург поместил эту дату в подстрочные примечания, нет основания сомневаться, что она или подразумевалась, или прямо упоминалась в рассказах Панина¹⁹.

Через год после написания первого варианта представляемой здесь работы нам удалось найти уникальные документы⁷, в известной степени подтверждающие указания Шумахера и Ассебурга, а также, как кажется, проливающие некоторый свет на истинных организаторов убийства Петра Федоровича. Речь идет о хранящемся ныне в ГАРФ, а до революции в рукописном отделе императорских библиотек в Зимнем дворце деле под названием «Бумаги, касающиеся караула, содержащегося в Ораниенбауме в июле 1762 года»²⁰.

Известно, что во второй половине дня 29 июня в Ораниенбаум прибыл отряд гусар и Конной гвардии под предводительством генерал-лейтенанта В.И. Суворова и А.В. Олсуфьева. Василий Иванович Суворов, отец генералиссимуса, по-видимому, еще до переворота пользовался большим доверием Екатерины Алексеевны. 28 июня, в первый день переворота, среди первых важнейших распоряжений и назначений находится именной указ о пожаловании Суворова премьер-майором Преображенского полка, а также повеление о его присутствии в Сенате. Поэтому посылка Василия Ивановича на другой день в Ораниенбаум с целью захвата голштинских войск была не случайной. 30 июня в постскрипуме письма к Суворову Екатерина II замечала: «Я не оставляю вас словесно благодарить за ваши хорошие распоряжения и верную службу: знаю, что вы честный человек».

В первые годы своей власти императрица поручает Василию Ивановичу расследование важнейших и секретнейших дел (заговор П. Хрущева и братьев Гурьевых, заговор Ф. Хитрово). Составляя характеристики ближайших сподвижников, Екатерина II писала: «Суворов очень мне предан и в высокой степени неподкупен; он без труда понимает, когда возникает какое-нибудь важное дело в Тайной канцелярии; я бы желала доверяться только ему, но должно держать в узде его суровость, чтобы она не перешла границ, которые я себе предписала»²¹. Стоит

⁶ Барон Ассебург занимался этим вопросом еще при жизни Петра Федоровича, но после его свержения переговоры были приостановлены.

⁷ Мы специально пытались найти какие-либо бумаги того времени, связанные с именем В.И. Суворова.

заметить, что через В.И. Суворова осуществлялась духовная связь Екатерины с Петром Великим; Василий Иванович был одно время денщиком последнего и, следовательно, мог много рассказать об идеях и планах Петра I, которого императрица боготворила и старалась быть достойной продолжательницей его великих планов и дел.

Вернемся в Ораниенбаум. Судя по запискам Я. Штелина, все голштинские войска были выведены оттуда 1 июля. Насколько точно это указание, трудно судить, потому что В.И. Суворов по каким-то причинам оставался там до 5 июля. Теперь мы подошли к самой сути упомянутого дела. 4 июля 1762 года гетман граф К.Г. Разумовский (3 июля назначенный Екатериной II генерал-адъютантом и командующим всеми пехотными полками, около Петербурга расположенными, а также Петербургским и Выборгским гарнизонами) направляет В.И. Суворову письмо следующего содержания, сопровождая его загадочной собственноручной припиской: «Превосходительный генерал лейтенант лейб-гвардии пример маеор и кавалер. Ея императорское величество в разсуждении порученной вашему превосходительству коммисии, что бывшия уже там галстинския и прочия арестанты сюда из Ранинбома приведены, и потому дальней нужды уже там не признаваетца, высочайше указать соизволила ехать сюда; и для того изволите команду свою и что у оной под смотрением теперь есть также ко исполнению следующее отдать кому ваше превосходительство заблагоразсудите, а сами в силу оногo высочайшего повеления изволите немедленно ехать в Санкт-Петербург и кому команда от вас препоручитца за известие меня репортовать. *Впротчем ежели ваше превосходительство рассуждаете, что ваше присутствие в Ораниенбауме нужно, то можете меня уведомить. Генерал адъютант граф К. Разумовский*⁸. Июля 4-го дня 1762 года. Его превосходительству Суворову»²².

Это письмо было получено в Ораниенбауме только 5 июля, хотя вполне могло быть доставлено в день написания. Кроме того, в нем обращает на себя внимание странное противоречие: с одной стороны, Суворову *высочайше* предписывается *немедленно* ехать в Петербург, а с другой – *Разумовский* предоставляет *принять решение самому Василию Ивановичу*, намекая, что в его пребывании в столице не больше необходимости, чем в пустом Ораниенбауме.

Хитрое письмо графа Разумовского не нашло адресата на месте; 5 июля, дав своим подчиненным письменную инструкцию, помеченную этим же числом, Суворов выехал в Петербург. Не вызывает сомнения, что это могло произойти либо по собственноручному повелению Екатерины II, либо из-за того, что стало известно что-то очень важное. Возможно, Василий Иванович не хотел, чтобы в Петербурге сразу узнали о его отъезде. На подобные размышления наводит последний пункт упомянутой инструкции: «8. Ежели пришлоца на мое имя указы и ордера и сообщения, то оные обще с советником Бекелманом распечатывать и исполнение чинить, а ко мне писать с приложением тех ордеров копий».

Секретное письмо, написанное самим Суворовым 5 июля, придает нашим догадкам известную вероятность: «Секретно. Ордер господину майору Пеутлингу, обретающемуся при команде в Ораниенбауме. По получении сего, немедленно изволте вынуть из комнат обще с господином советником Бекелманом бывшего государя мундир голстинской кирасирской или пехотной, или драгунской, которой толко скорее сыскать можете, и запечатат комнаты опят вашею и советника печатми, и прислать оной мундир немедленно с сим посланным. Как тот мундир будете вынимать, то старатца, чтобы оной, кроме вас двух, видеть ниже приметить хто мог, и сюда послать, положи в мешок, и запечатать и везен бы был оной сокровенно, а ежели господин Бекельман незнает в которых бы покоях тот мундир сыскать можно, то можно о том спросить тех, который были при гардеробе. Генерал по-рутчик В. Суворов. С.П. Бурх 5 июля 1762 году»²³.

Упомянутый в письме Суворова Карп Григорьевич Бекельман с 1744 года являлся экономом Ораниенбаумского дворца; Андрей Пеутлинг был секунд-майором Воронежского пехот-

⁸ Курсивом обозначен текст упомянутой приписки.

ного полка. Причину отъезда Суворова Пеутлинг, по-видимому, не знал. Это следует, как мы полагаем, из сохранившегося черновика его письма к шефу: «По присланному сего текущего месяца 5 числа от его светлости генерал-адъютанта графа Кирилы Григорьевича Разумовского, писанному июля 4-го дня от него вам по имянному Ее императорского величества высочайшему указанию *велено ехать вам* (эти слова в черновике зачеркнуты. – О. И.) в Санкт-Петербург и о протчем сообщено, с которого при сем посылаем к Вашему Превосходительству копию, а впротчем обстоит все благополучно. Июля 5 дня 1762 года послано»²⁴. Никаких других важных писем на имя В.И. Суворова в его отсутствие не поступало, о чем свидетельствует «Опись делам, касающимся к содержанию в Ораниенбауме караула», составленная 9 июля в связи с тем, что на смену А. Пеутлингу был назначен секунд-майор Аршеневский, принявший под расписку все дела²⁵.

Из письма Суворова следует, что, попав в Петербург, он был сразу привлечен к проблеме похорон Петра Федоровича, для чего, вполне вероятно, и был срочно вызван из Ораниенбаума. Можно предположить, что К.Г. Разумовский, зная о смерти бывшего императора, не хотел приезда Василия Ивановича. Почему? Как мы полагаем, убийство Петра III было результатом тонко задуманного заговора против Екатерины группы лиц, желавших обезопасить себя и связать руки императрице. Безнаказанность их в том тяжелом переходном положении была практически обеспечена. Однако они все-таки крепко побаивались верного императрице и сурового Суворова.

Как сообщают современники, Петр Федорович лежал в гробу в своем любимом белоглубом голштинском мундире²⁶. Не исключено, что он завещал так себя схоронить. Но можно также предположить, что подобное одеяние покойника дополнительно свидетельствовало, что здесь прощаются не с бывшим русским императором, а с иностранцем – еще один аргумент в пользу тех, кто совершил переворот 1762 года.

Второе письмо А.Г. Орлова

Письмо написано на большей части полулиста, нижняя часть которого, скорее всего, была оторвана самим Орловым. Оно было сложено в У и представляло квадрат со стороной в 55 миллиметров. На одной из поверхностей этого квадрата находится сделанная рукой А. Орлова надпись: «Матушке нашей всероссийской», а на другой – красная сургучная печать, представляющая овал с профилем античного (по-видимому, древнегреческого) персонажа. Очень вероятно, что это оттиск инталии, использовавшейся с античных времен в качестве печати. Откуда эта вещь оказалась у Орлова? Не исключено, что инталия (или кольцо с ней) была дана ему самой Екатериной, большой, как известно, любительницей и собирательницей резных камней²⁷. Тут стоит упомянуть такую деталь: при описывании вещей умершего в 1820 году незаконного сына А.Г. Орлова – А.А. Чесменского были обнаружены «шесть перстней с антиками в коробочке»²⁸. Не был ли один из них на пальце его отца в июльский день 1762 года?

Несомненный интерес представляет имеющий трапециевидную форму вырыв в нижней части письма. Начиная с первой публикации в 1907 году и во всех последующих изданиях второго письма Орлова указывается, что в этом месте находилась подпись Орлова, которая была «оторвана». Это объяснение, как мы попытаемся показать, противоречит не только здравому смыслу, но и внимательному изучению подлинника. Вот текст письма: «Матушка наша милостивая государыня. Не знаю што теперь начать, боюсь гнева от вашего величества штоб вы чево на нас неистоваго подумать не изволили и штоб мы не были притчиною смерти злодея вашего и всей Роси также и закона нашего. А теперь и тот приставленной к нему для услуги лакей Маслов занемог, а он сам теперь так болен што не думаю штоб он дожил до вечера и почти совсем уже в беспаметстве, о чем уже и вся команда здешняя знает и молит бога штоб он скорей с

наших рук убрался. А оной же Маслов и посланной офицер может вашему величеству донести в каком он состоиани теперь ежели *обо мне* усумнится изволите. Писал сие раб ваш... рны...»

Воображаем, с каким интересом прочел бы это письмо В.А. Бильбасов. Несомненно, он обратил бы внимание на слова «злодея вашего и всей Роси», подтверждавшие его догадку об авторе первого манифеста Екатерины II²⁹. Бильбасов установил, что манифест о вступлении на императорский престол существует в трех вариантах, различающихся одной важной фразой. В манифесте, раздаваемом народу утром 28 июня, говорилось, что слава российская «заключением нового мира *с самым ея злодеем* отдана уже действительно в совершенное порабощение»; в варианте манифеста, напечатанном вечером, это же место звучит так: «Заключением нового мира *самим ея злодеям* отдана уже действительно в совершенное порабощение». В первом случае под злодеем понимается Фридрих II, с которым Петр Федорович только что заключил мир, а во втором – прусский король фигурирует среди других злодеев России, которые конкретно не называются. В подлинном же манифесте, который В.А. Бильбасов видел в архиве Сената, сказано, что слава российская «заключением нового мира *самим ея злодеем* отдана уже действительно в совершенное порабощение» (курсив наш. – *О. И.*). Таким образом, в нем речь идет о Петре III.

В.А. Бильбасов полагал, что манифест был составлен тщательно, а не наспех 28 июня и что составителем его мог быть Алексей Орлов (заметим, что большинство современников и исследователей автором первых манифестов Екатерины II называют Г.Н. Теплова). Аргументация историка построена на письме императрицы к А.Г. Орлову от 7 июля 1789 года, в котором есть следующая таинственная фраза: «Будьте уверены, что я никогда забыть не могу 24, 26 и 28 июня...» Бильбасов пишет, что 24-е и 26-е остаются загадкой и что, возможно, в один из этих дней Алексей Орлов привозил ей на подпись упомянутый манифест. Разгадка, как нам кажется, лежит в том, что эти числа относятся к разным годам. Так, 24 и 26 июня – это, несомненно, даты сражения: в Хиосском проливе и при Чесме; кстати сказать, они так и были начертаны на колонне в честь Чесменской победы³⁰. Согласно «Памятным запискам» А.В. Храповицкого, в день написания письма Орлову она отмечала годовщину победы русского флота под командой С.К. Грейга над шведским флотом (Грейг, как известно, блестяще показал себя в сражении при Чесме)³¹. Таким образом, очевидно заблуждение В.А. Бильбасова: А.Г. Орлов не писал манифест от 28 июня 1762 года, однако вероятно, что видел его в подлиннике и включил в свое письмо слова «злодея вашего и всей Росии».

Следующей загадкой второго письма Орлова является «лакей Маслов». Почему-то в короткой записке Орлов дважды упомянул это имя, не называя при этом имени своего офицера. Более того, он ссылается на лакея в подтверждение своей оценки состояния Петра Федоровича. Это кажется странным. Странная и формулировка: «А теперь и тот приставленный к нему для услуги лакей Маслов занемог». Кем приставленный?

30 июня Екатерина II писала В.И. Суворову в Ораниенбаум: «Господин генерал Суворов! По получению сего, извольте прислать сюда, отыскав в Ораниенбауме, или между пленниками, лекаря Лидерса, да арапа Нарцыса, да обер-камердинера Тимпера; да велите им брать с собою скрыпицу бывшего государя, его мопсинку собаку...» В письме к Ст.-А. Понятовскому от 2 августа императрица рассказывала: «Просил он (Петр Федорович. – *О. И.*) у меня, впрочем, только свою любовницу, собаку, негра и скрипку, но, боясь (произвести) скандал и усилить брожение среди людей, которые его караулили, я ему послала только три последние вещи». Замечу, что иностранные дипломаты знали о просьбах Петра Федоровича и, кроме названных «вещей», упоминали еще немецкую Библию и романы³².

А.Т. Болотов пишет, что «ни один из служителей его (Петра Федоровича. – *О. И.*) не дерзнул следовать за оным, и один только арап его отважился стать за каретою, но и того на другой же день отправили в Петербург обратно». По-видимому, Болотов что-то напутал. Г.Р.

Державин, видевший все своими глазами, так описывает отъезд Петра Федоровича из Петергофа: «После обеда часу в 5-м увидели большую четырехместную карету, запряженную больше нежели в шесть лошадей, с завешанными гардинами, у которой на запятках, на козлах и по подножкам были гранодеры же во всем вооружении; а за ними несколько конного конвоя, которые, как после всем известно стало, отвезли отрекшегося императора от правления в Ропшу, местечко, лежащее от Петербурга в 30 верстах, к Выборгской стороне»³³. Запомнив время события, Державин не припомнил такой, кажется, бросающейся в глаза детали, как арап на запятках кареты. Может быть, как Нарцисс, так и Маслов располагались внутри четырехместной кареты? Ответить на этот вопрос трудно. Судя по письму Екатерины Суворову, первого там все-таки не было.

Единственным дополнительным источником, из которого мы знаем о существовании Маслова, является записка А. Шумахера. Правда, в отличие от А.Г. Орлова он называет его камер-лакеем, то есть старшим придворным лакеем. Известно, например, что в конце царствования Екатерины II при дворе было 272 лакея и 74 камер-лакея. Знал ли Орлов, кто такой Маслов, или это ему было безразлично? Однако предоставим слово Шумахеру: «Следовать за ним (Петром Федоровичем. – *О. И.*) разрешили только одному из его камер-лакеев – русскому, по имени Маслов и еще двум русским лакеям. Правда, оба последние, чтобы поскорее от этого освободиться, тотчас же сказались больными»³⁴.

Кто же *разрешил* Маслову, выбрав его среди других камер-лакеев, сопровождать бывшего императора в Ропшу? Согласно записке Ассбургера, это был Н.И. Панин; он организовывал встречу и охрану Петра Федоровича в Петергофе⁹ и имел с ним последнюю перед отправкой в Ропшу беседу, во время которой бывший император, прося оставить при себе Воронцову, пытался со слезами на глазах целовать руки Панина. Именно Никита Иванович будто бы приказал двум офицерам сопровождать Петра Федоровича в Ропшу. Кстати сказать, Шумахер не только подтверждает это, но и называет их: капитан Щербачев и лейтенант Озеров³⁵. Факт примечательный: возможно, доставку в Ропшу бывшего императора осуществляли люди из другой команды, а не избранники А.Г. Орлова.

Далее Шумахер рассказывает о том, что произошло с Масловым: «Когда император немного задремал, этот человек вышел в сад подышать свежим воздухом. Не успел он там немного посидеть, как к нему подошли офицер и несколько солдат, которые тут же засунули его в закрытую русскую повозку. В ней его повезли в Санкт-Петербург и там выпустили на свободу». По версии Шумахера, Петр Федорович был задушен сразу после отъезда камер-лакея. Это случилось 3 июля³⁶. Итак, сообщение Орлова об отъезде Маслова из Ропши и рассказ Шумахера, в сущности, совпадают, кроме парадокса о *насильно вывезенном*, а затем *отпущенном на свободу* Маслове. Если мы правильно понимаем сказанное в письме Орлова, то лакея сопровождал офицер и, по-видимому, он должен был предстать перед императрицей.

Кто же такой этот камер-лакей Маслов? В.А. Бильбасов, не видевший второго письма Орлова, утверждал, что Шумахер ошибался – у Петра III не было такого камер-лакея. Этот вывод он сделал на основании исследования придворного архива. Правда, как ученый, Бильбасов оговаривается, что ему не удалось найти следов Маслова³⁷. Если бы он читал ОР2, то, конечно, искал бы куда более тщательно. Надо сказать, мы также пытались найти какие-то упоминания о лакее Маслове, но ничего не нашли и бросили заниматься этим, полагая, что сведения о Маслове – главном свидетеле готовившегося злодеяния – были изъяты специально. Ему могли сменить фамилию и отправить за тридевять земель, запретив выезжать оттуда и

⁹ Эти сведения расходятся с тем, что сообщала в письме к Ст.-А. Понятовскому от 2 августа 1762 года Екатерина II: что она «для охраны особы» Петра III дала шесть офицеров и несколько солдат (*Екатерина II*. Указ. соч. С. 566). Вероятно, Панин лишь исполнил в данном случае волю императрицы.

разговаривать с кем-нибудь о прошлом. Масса таких подписок, где под страхом смертной казни запрещалось что-либо касающееся дела рассказывать, хранится в фондах Тайной экспедиции.

Мы понимали, что камер-лакей Маслов, вероятнее всего, реальное лицо. Вряд ли Петру Федоровичу можно было приставить кого-то незнакомого, кто не знал особенностей поведения бывшего императора и не умел исполнять лакейскую должность. Более того, из рассказа Шумахера следует, что возвращающегося из Ропши в Петербург Маслова встретил гофхирург Людерс (Ltidars). Маловероятно, чтобы он обратил внимание на незнакомого человека, а камер-лакеев он должен был знать. И действительно, К. Писаренко удалось обнаружить следы Маслова. Первые сведения о нем – «комнатном истопнике Алексее Маслове» – относятся к марту 1758 года³⁸. В 1759 году он становится «голстинским камер-лакеем»³⁹. С 1760 года о Маслове пишут просто как о камер-лакее⁴⁰. Случайно ли подобное изменение названия чина, неясно. Писаренко считает, что события переворота и смерти Петра Федоровича никак не отразились на статусе А. Маслова; подобное утверждение он основывает на следующей обнаруженной им записи в книге выдачи комнатных денег императрицы от 20-х чисел января 1763 года: «Пожаловано девице Анне Костантиновой зговоренной в замужество за камор-лакея Маслова 300 рублей»⁴¹. Писаренко ничем не доказывает, что речь тут идет о том же Алексее

Маслове. Если же упомянутый исследователь прав, то роль названного камер-лакея в деле смерти Петра Федоровича приобретает иные черты, ибо весьма большую сумму его невеста получила из «комнатных денег императрицы». Значит, Маслов оставался верен Екатерине II, не болтая о том, что произошло в Ропше (или он этого совсем не знал). Однако имеются основания сомневаться в этом. Французский дипломат Л. Беранже 10 июля 1762 года писал к своему двору о смерти Петра Федоровича: «Подробности этих ужасов известны, главным образом, от русского камер-лакея, верного Петру III в его опале, который по возвращении в Петербург признался своему ближайшему другу о своих сожалениях от потери своего хозяина и об истории его злосчастий. Этот самый камер-лакей был схвачен и препровожден ко Двору, где священник с крестом в руке заставил его поклясться, что он сохранит тайну того, чему он был свидетелем»⁴². А. Шумахер что-то также знал из рассказов Маслова (приводимого нами выше). Самое удивительное в нем – это слова о том, что Маслов был привезен в Петербург и там выпущен на свободу. Как можно было просто так *выпустить на свободу* главного свидетеля подготовки убийства Петра Федоровича? Тут что-то в рассказе Шумахера не так. Жаль, что пока больше ничего не удалось выяснить о дальнейшей судьбе А. Маслова.

Ни в первом, ни во втором письме А.Г. Орлова не говорится о необходимости прислать к Петру Федоровичу врача, напротив, он желает смерти своему арестанту с грубой откровенностью. Трудно предположить, что если кто-то замыслил убийство, то будет говорить об этом столь прямо и к тому же письменно. Трудно поверить, что такой умный и хитрый человек, как А.Г. Орлов, не понимал, что убийство бывшего императора не только не откроет дорогу к трону его брату Григорию, как считали и считают многие писатели и историки, а, наоборот, сделает ее полностью невозможной, наложив на Орловых печать *убийц*, а на Екатерину II – их *соучастницы*.

Даже исходя из писем ОР1 и ОР2, в которых затрагивается состояние здоровья Петра Федоровича, можно не сомневаться, что императрица особо говорила с А.Г. Орловым о необходимости сохранения здоровья и жизни бывшего императора. На другой день пребывания Петра Федоровича в Ропше, 30 июня, она, как уже отмечалось выше, просит В.И. Суворова отыскать «лекаря Лидерса» и послать его бывшему императору. Трудно поверить, что в манифесте о смерти Петра Федоровича от 7 июля Екатерина обманывала общество, когда писала, что, узнав об обострении болезни (геморроя) у бывшего императора, «не призирая долгу Нашего Христианского и заповеди Святой, которою Мы одолжены к соблюдению жизни ближнего своего, тотчас повелели отправить к нему все, что потребно было к предупреждению

следств из того приключения, опасных в здравии его, и к скорому вспоможению врачеванием». Однако ей, несомненно, пришлось покривить душой, объявляя в цитированном манифесте дату смерти бывшего императора¹⁰.

Мы согласны с точкой зрения А.Б. Каменского, сформулированной им в книге «Под сению Екатерины»: «Как поступить с Петром III после переворота, несомненно было обдуманно Екатериной еще при его подготовке. Однако мысль об убийстве если и приходила ей в голову, то наверняка сразу же была отвергнута. Цареубийство не вписывалось в ту систему моральных ценностей, на которую Екатерина собиралась опираться в своей деятельности; не могла она и не понимать, что скрыть убийство будет невозможно и что клеймо убийцы будет преследовать ее, как это и случилось, всю жизнь. К тому же отдать приказание об убийстве Петра, даже только намекнуть на это кому-то из своих приближенных, значило бы попасть от него в вечную зависимость. Перед глазами Екатерины был пример Елизаветы, двадцать лет продержавшей в заключении Ивана Антоновича, но ничего не сделавшей для его физического уничтожения. Увоз Петра III в Ропшу – дворец неподалеку от Петербурга – вполне соответствовал тому плану, который должен был бы быть у Екатерины. Главное было удалить его подальше от столицы, где его сторонники, буде такие нашлись, захотели бы повернуть события вспять. Через какое-то время, в условиях стабилизации ситуации и в зависимости от нее, можно было бы решить судьбу Петра окончательно. Во всяком случае, убивать его, да еще так сразу после переворота, имело бы смысл лишь в одном случае – в случае острой опасности контрпереворота, но такой опасности явно не было»⁴³.

Более подробно версия болезни и смерти Петра Федоровича изложена Екатериной II в письме к Ст.-А. Понятовскому от 2 августа 1762 года. Это произошло, возможно, потому, что, как считают некоторые исследователи, упомянутое письмо было адресовано не только Понятовскому, а предназначалось косвенно для иностранных дворов. После прибытия в Ропшу, по словам Екатерины, «страх вызвал у него (Петра Федоровича. – *О. И.*) понос, который продолжался три дня и прошел на четвертый¹¹; он чрезмерно напился в этот день, так как имел все, что хотел, кроме свободы... Его схватил приступ геморроидальных колик вместе с приливами крови к мозгу; он был два дня в этом состоянии, за которым последовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторов, он испустил дух, потребовав [перед тем] лютеранского священника. Я опасалась, не отравили ли его офицеры. Я велела его вскрыть, но вполне удостоверено, что не нашли ни малейшего следа [отравы]; он имел совершенно здоровый желудок, но умер он от воспаления в кишках и апоплексического удара. Его сердце было необычайно мало и совсем сморщено»⁴⁴. На последнее обстоятельство почти никто из исследователей не обращал внимания. Только А.Б. Каменский в своей книге «Под сению Екатерины» указал, что «маленькое сердце» означает дисфункцию других органов и вместе с тем ведет к вероятному нарушению кровообращения⁴⁵. О другом взгляде современного судмедэксперта на смерть Петра Федоровича мы поговорим подробнее ниже.

Никаких заключений безымянных докторов ни о ходе болезни («скорбный лист»), ни о результатах вскрытия не сохранилось, да и вряд ли они существовали. Насколько нам известно, тогда такой традиции в России не было. О том, что бывшего императора первоначально пытались отравить, а потом задушили, говорят почти все иностранцы: и Шумахер, и Рюльер, и Кастера, и Гельбиг. В этом отношении многозначительно звучат слова, сказанные княгиней Дашковой во Франции по поводу якобы коварной (с помощью Мировича) расправы с Иваном

¹⁰ Хотя, если говорить строго, формулировка упомянутого манифеста – «вчера вечером получили Мы другое (известие. – *О. И.*), что он волею Всевышнего Бога скончался» – не говорит точно о дате этого события, а только о времени получения известия. Тут стоит заметить, что Г. Гельбиг указывает на то, что нота, отправленная в иностранные посольства по случаю смерти Петра Федоровича, была без подписи и даты (Biographie Peter des Dritten. Tubingen, 1809. Th. 2. S. 171).

¹¹ Вполне вероятно, что у Петра Федоровича мог возникнуть хорошо известный *неврогенный понос*.

Антоновичем: «...Совсем не следовало бы полагать, будто у монархов и министров (!) нет другого средства избавиться от неугодных лиц; очевидно, всем известно, что некоторое количество какого-либо питья кончает дело и быстро и без огласки»⁴⁶. Кстати сказать, Фридрих II в своих «Записках» утверждал, что Ивану Антоновичу давали выпить какой-то вредный напиток для того, чтобы сделался идиотом⁴⁷.

Шумахер сообщает, что по приезде в Ропшу из-за нервного потрясения у бывшего императора испортилось пищеварение (о чем писала и Екатерина) и начались мучительные головные боли. 1 июля в Петербург прибыл курьер с известием, что Петр Федорович нездоров и требует своего гоф-хирурга Людерса, а также своего мопса и скрипку. Мы знаем, что это произошло не 1 июля, а 30 июня. «Согласно устному докладу о болезни императора, – продолжает Шумахер, – Людерс выписал лекарства, но их не стали пересылать (если это факт, то факт потрясающий. – *О. И.*). Императрица стала уговаривать Людерса и даже велела ему отправиться к своему господину, с которым ему следовало обойтись самым наилучшим образом, однако Людерс опасался оказаться в продолжительном заключении вместе с императором и некоторое время пребывал в нерешительности. Только 3 июля в полдень ему пришлось волею-неволей сесть в плохую русскую повозку, рядом с мопсом и императорской скрипкой, и отправиться с максимальной скоростью».

Все это выглядит чрезвычайно странно: как могло случиться, что императрица *уговаривала гоф-хирурга*, а тот не только не спешил, но и позволил себе два дня раздумывать? Несомненно, такое мог рассказать о себе или сам Людерс, или кто-то близкий к нему. Что же это была за «важная персона»? Екатерина в записке к Суворову называет его лекарем. Однако императрица была не совсем права. Иван Лидере (Иоганн Людерс) в феврале 1762 года именным указом Петра III был пожалован в гоф-хирурги. Ко времени переворота Людерсу было около 35 лет (подробнее о нем будет рассказано ниже в специальном параграфе)⁴⁸.

В.А. Бильбасов приведенный рассказ Шумахера интерпретирует так, что Людерс по описанию (по-видимому, дилетантскому) нашел болезнь Петра Федоровича «ничтожной», и утверждает, что если бы Петр был серьезно болен, то Людерс согласился бы ехать в Ропшу, поскольку «скорая смерть узника освободит и его от заточения. Людерс не едет в Ропшу, значит, Петр еще далек от смерти»⁴⁹. Нам же кажется, что нежелание гоф-хирурга ехать к бывшему императору следует из противоположного мотива: Людерс не едет в Ропшу, предвидя возможную близкую смерть узника, которую могут приписать его неверному лечению.

Тут стоит упомянуть, какие парадоксы подбрасывает исследователю судьба. Казалось, что нам удалось найти достаточно надежное подтверждение даты отъезда Людерса в Ропшу. В старинной описи «Медицинской канцелярии» под 3 июля 1762 года упоминается небольшое, всего на двух листах, дело (правда, помеченное как несохранившееся) под названием «Требование об отсылке придворного лекаря Лидерса к статскому действительному советнику Теплову»⁵⁰. Это ли не доказательство верности рассказа Шумахера?! Но все оказалось значительно сложнее; вызов Людерса не был связан с болезнью Петра Федоровича (о чем мы расскажем в параграфе, посвященном И. Людерсу).

По словам Шумахера, в тот же день, то есть 3 июля, в Ропшу был послан гоф-хирург Паульсен. При этом датский дипломат сообщает следующую потрясающую подробность: «Стоит заметить, что Паульсен поехал в Ропшу не с лекарствами, но с инструментами и предметами, необходимыми для вскрытия и бальзамирования мертвого тела, и, следовательно, в Петербурге с достоверностью знали, что здесь должно было бы произойти» (курсив наш. – *О. И.*).

Сразу за этой фразой идет следующая, уточняющая предыдущую и специально выделенная автором: «Нет, однако, ни малейшей вероятности, что это императрица велела убить своего мужа, но его удушение, вне всякого сомнения, дело *некоторых из тех владетельных пер-*

сон (habenden Personen), вступивших в заговор против императора и хотевших предупредить все опасности, которые могла принести им и всей новой системе его слишком продолжительная жизнь» (курсив наш. – О. И.). Весьма примечательно, что тот же Шумахер относит братьев Орловых к «небольшой и маловлиятельной партии» заговорщиков, подчеркивая, что они занимали «низкое положение в обществе»⁵¹. О «владельческих персонах» мы поговорим далее.

Участие Христофора Паульсена (о нем подробнее пойдет речь ниже) доказывается распоряжением Екатерины II от 31 августа 1762 года к А.В. Олсуфьеву о выдаче из Кабинета: «Лекарю Паулсину две тысячи рублей, Лидерсу тысячу рублей, Урлиху (скорее Ульриху. – О. И.) тысячу рублей». Различие в награждении довольно внушительное, вероятно, оно связано с тем, что Людерсу пришлось не лечить, а лишь помогать при вскрытии и бальзамировании. Какой-то лекарь Ульрих, не упомянутый Шумахером (а по нашей гипотезе, возможно, записавший рассказ самого Людерса), получил столько же⁵².

Вероятно, на разницу в награде повлияло и то, что Христофор Паульсен начал свою службу еще при Петре I и был с ним в разных походах. Известно также, что он, как штаб-лекарь конного полка, находился на коронации императрицы Елизаветы Петровны в Москве. 3 декабря 1763 года Х.М. Паульсен был пожалован чином надворного советника. Кстати сказать, И. Людерсу именовым повелением Екатерины II от 23 октября 1762 года поручалось «пользование больных чинов Кавалергардского корпуса»⁵³.

Если рассказанное А. Шумахером истинно, то второе письмо А.Г. Орлова было написано 3 июля и, вероятно, являлось последним сообщением Алексея Григорьевича из Ропши. Не исключено, что, когда оно писалось, Петр Федорович был уже мертв, а Орлов хотел подготовить таким образом Екатерину II к печальному известию.

Вернемся к описанию ОР2. По краю большого отрыва видны остатки шести букв (или цифр). Между последним словом «верный» и вырванным куском видно затертое начало какого-то слова. Несомненно, это сделал сам Орлов, поскольку аналогичным образом он затер слово в последней фразе (после «ежели вы») и написал на его месте «обо мне». Полагаем, что это результат спешки, в которой писалось это письмо. А.Г. Орлов так же затирал слова, когда в крайней спешке писал письмо к Екатерине II о поимке авантюристки, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы.

Вероятно, спешкой, а не состоянием опьянения, как иногда считают, можно объяснить некоторые отличия в написании этого письма от первого. Орлов никогда не отличался хорошим почерком, что сам признавал. Так, в письме от 19 января 1793 года к В.В. Шереметеву он извинялся: «Не прогневайся, что так дурно пишу, потому что никогда лучше не умел, да к тому ж и перья не хороши»⁵⁴. Прочитав много писем и бумаг, написанных рукой А.Г. Орлова, мы можем засвидетельствовать, что это была правда. Даже братья порой не разбирали его почерка. Кроме того, что-то не верится, что такой умный и расчетливый человек позволил себе пить в столь ответственные дни. При всей его могучей силе он был очень осторожным. «Только полная уверенность в успехе может побудить его предпринять что-либо рискованное», – писал один из его биографов⁵⁵. Следует заметить, что в инструкциях о содержании секретных узников (например, Ивана Антоновича), о которой, возможно, знали караулившие Петра Федоровича офицеры, особо подчеркивалось: «За команду, накрепко смотреть, чтоб никаких беспорядков и пьянства не чинили, и находящихся в противности сему наказывать, смотря по вине преступления, и кто за что будет наказан и которого числа, о том иметь журнал»⁵⁶. Трудно поверить, что предусмотрительная Екатерина II доверила Петра Федоровича людям, склонным к пьянству. Легенда о пьяном А.Г. Орлове возникла из текста ОР3, истинность которого внушает сомнение (об этом пойдет речь во второй главе). Завершая этот вопрос, заметим: вряд ли бы пьяная рука могла оттиснуть столь четко печать на ОР2.

Теперь пришло время сказать о самой любопытной палеографической детали ОР2, на которую не обращали внимания видевшие его исследователи. Речь идет о неприметном чернильном следе, расположенном между второй и третьей строками, под словом «начать». Как оказалось, это отпечаток слова, написанного в правой верхней части вырванного куска. Именно от этого слова сохранились три из шести элементов на грани вырванного. В чернильном отпечатке с помощью зеркала читаются две буквы, как мы полагаем – *НД*. Эти буквы были написаны рукой самого А.Г. Орлова. Они похожи на аналогичные в слове «команда» в начале ОР1. Однако уже сейчас совершенно очевидно, что это не имя и не фамилия Орлова. Можно предположить, что в верхней части вырванного куска находилось два или три слова. При этом слово с буквами *НД* было, скорее всего, вписано или надписано перед самым запечатыванием письма, поскольку отпечатков от других слов не осталось. Естественно, возникают следующие вопросы: кто, когда, почему и что вырвал из письма Орлова (ОР2)?

К тому выводу, что вырвана не подпись, а нечто более существенное, можно было прийти и не видя письма, в результате чисто логического рассуждения. Зачем было вырывать подпись, если: 1) рядом хранилось другое письмо А.Г. Орлова с подписью; 2) почерк Орлова был знаком даже в то время не одной Екатерине; 3) письмо хранилось в строгом секрете.

Подпись, наверное, была. Но что еще? Очень вероятно – дата (как в предыдущем письме), расходящаяся с официальной версией болезни и смерти Петра Федоровича. Возможно, какую-то важную информацию содержали слова, о которых только что говорилось; много ли места требуется для слов: «он мертв» или «его убили» – или чего-то подобного?

Что же касается вопроса, кто и почему вырвал часть текста из письма, то здесь также нет ясности. Нельзя, например, совершенно исключить, что письмо было повреждено при распечатывании, хотя по характеру обрыва это кажется маловероятным: очень уж аккуратно оторваны одни слова и не повреждены другие. Так кто же это сделал? Естественно, подозрение прежде всего падает на Екатерину II. Н.Я. Эйдельман, державший в руках подлинное письмо и считавший, что вырвана подпись Орлова, писал: «Это уж постаралась сама матушка, чтобы не было слишком явного следа – уголовщины...»⁵⁷ Приведенное утверждение кажется ошибочным. Чтобы скрыть «уголовщину», проще всего было столь неприятное письмо уничтожить целиком (вместе с первым), а не создавать столь явным повреждением письма оснований для будущих обвинений. Неужели Екатерина II не понимала, что найдутся люди, которые в отрицательном смысле будут истолковывать любую неясность в ее действиях? Нет, конечно, хорошо понимала. Особенно показательна в этом отношении история с пакетом императрицы Елизаветы Петровны, рассказанная самой Екатериной II. Три дня спустя после коронации к ней подошел ее духовник Федор Дубянский (бывший духовник Елизаветы) и сообщил, что в день коронации Елизаветы Петровны та отдала ему крошечный запечатанный пакет и поручила положить его на престол московского собора. Дубянский предложил Екатерине узнать, что там находилось. Пусть теперь сама императрица продолжит рассказ об этом случае: «Прошло двадцать лет, что этот пакет существовал, и знала о его существовании только покойная императрица, ее духовник и соборные священники; но эти последние не знали его содержания. Я взяла пакет в руки и сказала ему (Дубянскому. – *О. И.*): “Батюшка, оставьте меня одну, я открою его”. Он вышел, я отошла к окну моей спальни, которое было всего ближе к двери в мою уборную, через которую он вошел и вышел, и открыла пакет. Я нашла в нем небольшой клочок бумаги со следующими словами, написанными рукою императрицы Елизаветы: “За здоровье благодетельнейшей самодержавнейшей великой государыни императрицы Елизаветы Петровны всея России и за наследника ея, внука Петра Первого, государя великого князя Петра Федоровича”. Она так обрезала этот клочок бумаги, что он мог вместить только эти слова и ничего более. Как только я окончила чтение (записки), я позвала обратно моего духовника, так как первое, что мне пришло в голову, было опасение, чтобы он или другие священники не вообразили, что я

отрезала часть бумаги и скрыла от них какой-нибудь дар, которого он, как мне показалось, ожидал от вскрытия этого пакета(курсив наш. – О. И.)⁵⁸.

Тут опять мы возвращаемся к вопросу: что же было такое в письме, что надо было столь явно вырывать, навлекая дополнительные обвинения в столь неприятном для славы Екатерины II деле – смерти ее мужа? Уж если допустить, что она решилась на этот шаг, то удаленное должно было в ее глазах казаться неприятнее, опаснее сохраненного ею первого письма (вспомним хотя бы столь нелестное определение «урод»). С другой стороны, в тексте второго письма должно было быть что-то такое, что заставляло сохранить его даже в поврежденном состоянии.

На наш взгляд, более или менее вероятный ответ на первый вопрос состоит в том, что была уничтожена дата или какие-то сведения, возможно связанные со смертью Петра Федоровича. Что же касается второго вопроса, то первое приходящее на ум объяснение видится в том, что в ОР2 содержались сведения о нарастающей болезни Петра Федоровича, соответствующие сообщениям первого письма и манифесту о смерти бывшего императора от 7 июля. Однако это представляется слишком простым объяснением. Сделала ли вырыв рука самой Екатерины II? Утверждать этого мы не имеем оснований. Не исключено, что так решили основные участники и организаторы переворота: Н.И. Панин, К.Г. Разумовский или Г.Г. Орлов.

Теперь мы достоверно знаем, что сообщение о смерти бывшего императора было задержано. Понять Екатерину II и других заговорщиков можно: им дорог был не только каждый день, но и каждый час для укрепления своей власти. Екатерина II писала Понятовскому 2 июля: «Я завалена делами и не могу сделать вам подробную реляцию... В настоящий момент все здесь полно опасности и чревато последствиями. Я не спала три ночи и ела только два раза в течение четырех дней». Императрице вторит Дашкова, написавшая графу Г. Кейзерлингу: «Первые три дня постоянно была я на ногах и на коне, и ложилась всего на два часа времени»⁵⁹.

И все-таки, несмотря на все объяснения, остается загадкой, почему Екатерина не предала огню два письма Орлова вместе с другими ропшинскими документами. Могли ли они стать каким-то оправданием в будущем или, о чем не хотелось бы думать, компроматом против А.Г. Орлова, которого как полагают некоторые, она побаивалась?

Не вызывает сомнения, что далеко не все документы, касающиеся ропшинских событий, сохранились: нет рескриптов Екатерины II А.Г. Орлову, списка его команды и т. д. Это, надо сказать, касается и других документов первых недель нового царствования. Создается впечатление, что кто-то их почистил. Письмам, которые мы рассматриваем в этом исследовании, повидимому, досталось больше всего.

Например, в одном из писем Петра Федоровича из Ропши (ПФ2), судя по складкам, был отрезан низ, возможно содержащий постскрипtum, как и в первом его письме. Маловероятно, что какой-то «архивный юноша» в поисках бумаги добрался до столь ценного и хранимого за царской подписью документа. Да, «архивный юноша» сделать этого явно не мог, а вот царственная особа была вольна в своих действиях. О том, что Павел I сразу после смерти матери уничтожил какие-то документы, известно; он повелел уничтожить во всех государственных учреждениях России манифест Екатерины II от 6 июля, сохранив только два экземпляра для справки⁶⁰.

Известно также, что Николай I, по восшествии на престол, поручил Д.Н. Блудову разобрать секретные бумаги царских архивов (подробнее об этом мы расскажем в главе 2). Просмотрев ропшинские документы, на обложке, где хранились первое и второе письма Орлова, Блудов написал: «Два письма графа А.Г. Орлова к императрице Екатерине, в последнем он ей объявляет о смерти Петра III». Вполне возможно, что это ошибка. А вдруг тогда второе письмо еще не было повреждено? Если же упомянутое повреждение было, то почему Блудов об этом не написал; он же не мог догадываться о том, что находилось на вырванном куске письма, а объяснять повреждение важнейшего и секретнейшего документа ему бы пришлось перед

самим императором, да и историческая справедливость требовала указать на вырыв. Очень сомнительно, что такой человек, как Блудов, пропустил без комментария подобную деталь. Любопытно, что такими же словами он рассказывал об упомянутых письмах и П.И. Бартеневу: «Приготовив этим письмом (ОР1. – *О. И.*) государыню, в следующей записке он (А.Г. Орлов. – *О. И.*) извещает о свершившемся злодействе...»⁶¹ Неужели Д.Н. Блудов так сильно ошибался? С другой стороны, становится не совсем понятным, почему А.Г. Орлов не поместил сообщение о смерти Петра Федоровича в короткой приписке, а, не уничтожив ОР2, написал новую небольшую записку, коль скоро должен или вынужден был доложить об этом деле письменно?

Итак, ОР2 продолжает пока хранить свои тайны. Возможно, они будут разгаданы в будущем. В следующей главе мы расскажем о так называемом «третьем письме А.Г. Орлова из Ропши» о смерти Петра Федоровича, само существование которого является загадкой.

Глава 2

Письмо о смерти Петра Федоровича

Публикации письма о смерти Петра Федоровича

Впервые письмо ОРЗ было опубликовано Герценом в 1861 году в составе «Некоторых выписок из бумаг М. Данилевского», помещенных во вторую часть «Исторического сборника Вольной русской типографии в Лондоне»⁶². Через 20 лет оно с небольшими комментариями Ф.В. Ростопчина (далее КР) появилось в 21-й книге «Архива кн. Воронцова» в качестве приложения к «Запискам» Е.Р. Дашковой, там же помещенным⁶³. Издатель снабдил столь важный исторический документ минимальной информацией, указав только, что копия с третьего письма Орлова была сообщена Ф.В. Ростопчиным в Лондон С.Р. Воронцову. У читателя этой публикации, естественно, возникали вопросы: как, когда и при каких обстоятельствах ОРЗ и КР попали в Лондон к Воронцову? Когда написан комментарий? Был ли в Лондон послан только он, как-то нелепо начинающийся, или КР представлял часть большого комментария или записки?

Нам неизвестно, чтобы после публикации упомянутых документов кто-то подверг их критическому разбору; возможно, магически действовали имена С.Р. Воронцова, Ф.В. Ростопчина и П.И. Бартенева. Без какой-либо критики включил письмо и комментарий (ОРЗ и КР) в свой фундаментальный труд о Екатерине II В.А. Бильбасов. Насколько нам известно, только К. Валишевский в одной из своих книг – «Роман императрицы» – поставил под сомнение подлинность письма Орлова (ОРЗ), но, к сожалению, не аргументировал своей точки зрения⁶⁴.

Через 30 лет П.И. Бартенев в № 5 «Русского архива» за 1911 год вновь публикует ОРЗ вместе с другими письмами из Ропши по спискам из бумаг Н.К. Шильдера. В этой версии появляется фраза «Мы были пьяны, и он тоже», которой не было в публикации 1881 года. Однако Бартенев никак не объяснил этого важного различия. Он только сообщил дополнительно, что ОРЗ и КР сохранились в архиве внука С.Р. Воронцова. Возникла парадоксальная ситуация: издатель, знавший список ОРЗ, отправленный самим Ростопчиным в Лондон, печатал его, однако, по копии Шильдера. Здесь скрывалась какая-то тайна...

Списки третьего письма Орлова

Лучше всего было бы обнаружить список третьего письма, написанный рукой самого Ф.В. Ростопчина 11 ноября 1796 года. Однако о его существовании ничего не известно. Думается, что о нем ничего не знал и сам П.И. Бартенев, имевший непосредственный контакт с сыном Ростопчина – Андреем. Последний передал в «Русский архив» в конце 70-х годов несколько бумаг отца; например, в «Русском архиве» за 1876 год в 1-й книге было опубликовано важное для нашей темы письмо Федора Васильевича к великой княгине Екатерине Павловне, а в № 3 за 1878 год – записка Ростопчина «О состоянии России в конце Екатерининского царствования». Судьба архива графа Федора Васильевича оказалась сложной. Часть его после смерти Ростопчина по распоряжению правительства попала в Государственный архив, затем была передана в архив Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, далее в Архив Канцелярии Военного министерства и, наконец, в 80-х годах XIX века

в Военно-учетный архив Главного штаба¹². Если бы упоминавшийся список ОРЗ находился в этой части архива, отбравшие важные государственные документы вряд ли оставили бы его без внимания. Он, несомненно, был бы передан императору и, возможно, соединен с ропшинскими документами. Но там его нет, как нет и в других царских архивах.

К счастью, в фонде Воронцовых в РГАДА сохранился текст, послуживший, как мы полагаем, основанием для публикации третьего письма Орлова и комментария Ростопчина в 1881 году⁶⁵. Он написан на трех двойных листах, сложенных в тетрадь; почерк не Ф.В. Ростопчина; часть текста на русском языке, часть – перевод его на французский. Вот часть этого документа, написанная по-русски:

«Копия. Замечание на № 1

После наложенного в сентябре месяце 1800 года амбарга на английские суда в России, государь император Павел приказал мне, вследствие бывшего разговора, по сему случаю написать мысли мои и о политическом тогдашнем состоянии Европы. Исполняя волю его в следующую ночь, принес утром мемориал, не полагая ни мало, что он произведет столь важную перемену в политике и будет служить основанием новой системы и разделу Турции. Продержав сию бумагу два дни, император Павел возвратил мне ее с конфирмацией и замечаниями собственноручными. Она может служить сильным и новым доказательством, что удобная минута в больших и самоважнейших делах соделывает возможным прежде и после веками не возможное.

№ 2

После смерти императрицы Екатерины кабинет ея был запечатан г. прокурором графом Самойловым и г-м адъютантом Ростопчиным. Через три¹³ препоручено было великому князю Александру Павловичу и графу Безбородке рассмотреть все бумаги. В первый самый день найдено письмо графа Алексея Орлова и принесено к императору Павлу. По прочтении им, возвращено к графу Безбородке, и я имел его с четверть часа в руках. Почерк известной мне гр. Орлова, бумаги лист серой и нечистой, а слог означает положение души сего злодея и ясно доказывает, что убийцы опасались гнева Государыни и сим изобличают клевету, падшею на жизнь и память сей великой царицы. На другой день граф Безбородко сказал мне, что император Павел потребовал от него вторично письмо графа Орлова, прочитав в присутствии его, бросил в камин и сим истребил памятник невинности великой Екатерины, о чем и сам чрезмерно после соболезнавал.

Копия № 2

Матушка милосердая государыня, как мне изъяснить описать что случилось не поверишь верному своему рабу, – но как пред Богом скажу истинну. – Матушка готов иттить на смерть но сам не знаю как эта беда случилась. Погибли мы когда ты не помилуешь – матушка его нет на свете – но никто сего не думал и как нам задумать поднять руки на государя – но государыня свершилась беда мы были пьяны, и он тоже, он заспорил за столом с князь Федором, не успели мы рознять а его уже и не стало, сами не помним, что делали, но все до единого виноваты – достойны казни, помилуй меня хоть для брата, повинную тебе принес и разыскивать нечего – прости меня или прикажи скорей окончить, свет не мил, прогневили тебя и погубили души на век. Списано 11 ноября 1796 года 5 дней после смерти императрицы Екатерины II».

Теперь становится ясно, что текст третьего письма Орлова и комментарий Ростопчина при публикации в 1881 году были отредактированы: в КР изменено начало, в ОРЗ выпущена упоминавшаяся фраза о пьянстве; внесены и другие мелкие изменения (в КР после слов «Через три» добавлено почему-то – «дня», из ОРЗ убрали «меня»), а также проставлена пунктуация, почти отсутствующая в списке.

---

¹² О судьбе части архива графа Ф.В. Ростопчина в приложении приводится специальная статья.

¹³ Так в подлиннике.

Пропуск в копии ОРЗ 1881 года объясняется, по-видимому, цензурными препонами. Напомним, что, согласно высочайшему повелению от 28 апреля 1870 года (вошедшему статьей 73 в «Устав о цензуре и печати»), «сочинения и статьи как оригинальные, так и переводные, в коих описываются личные действия или излагаются изустные выражения государя императора и прочих особ императорской фамилии, или же приводятся обращенные к ним речи, а также статьи, содержащие в себе рассказы и суждения, до Высочайших особ относящиеся, во всех без исключения изданиях, повременных и других, печатаются не иначе, как с разрешения министра императорского двора...». Автор первой большой биографии П.И. Бартенева – А.Д. Зайцев пишет, что у издателя «Русского архива» «всегда были осложнения при публикации материалов, освещающих историю вступления Екатерины II на престол, в которых упоминалось об обстоятельствах смерти Петра III...»⁶⁶.

О том, почему П.И. Бартнев изменил начало комментария Ростопчина, пойдет речь ниже, а сейчас поговорим о датировке воронцовского списка ОРЗ и КР. Французский перевод начинается словами: «*Traduction d'une note remise par le O Rostopchin a la Grand Duchesse Catherina d'Oldenboorg*».

Таким образом, ОРЗ и КР, прежде чем оказаться в Лондоне у С.Р. Воронцова, были посланы к великой княгине Екатерине Павловне, бывшей замужем за принцем Г.П. Ольденбургским. По счастью, уцелело письмо Ф.В. Ростопчина от 24 марта 1810 года, отправленное к великой княгине в Тверь: «Государыня! Осмеливаюсь повергнуть к стопам вашего императорского высочества благодарность живейшую за милостивое ваше ко мне расположение. Самолюбив был бы я, если бы возмечтал отличить себя пред тою, коя рождает удивление и любовь во всех русских. Но преданность моя к особе и к памяти родителя дает надежду, что пронзительный взор подобной ему умом и сердцем дочери обратится некогда на того, который до сих пор движим единственно был честью и верностию. Исполняя повеление ваше, препровождаю к ви высочеству с некоторыми объяснениями политический мемориал и список с письма графа Орлова. Вскоре за сим при первом удобном случае отправляю самовернейшею подробную записку о последнем дне царствования императрицы Екатерины и о первом императора Павла, прося ви высочества удержать сии бумаги до возвращения моего в Тверь»⁶⁷.

О том, что «политический мемориал» был действительно отослан (но не «удержан»!), мы узнаем из предисловия к первой публикации его в 1871 году. Там помещено пояснение князя А.И. Гагарина (шталмейстера и гофмаршала великой княгини Екатерины Павловны) к списку, который и был опубликован: «Граф Ростопчин, после нескольких дней его пребывания в Твери, прислал сии бумаги к Ее высочеству великой княгине Екатерине Павловне из Москвы при письме своем через верную оказию, изъясняя, чтоб оные ему самому возвратили, когда он в Тверь опять будет. Ее высочество поверила их мне на несколько дней, с которых я и списал копию, а потом возвратил Ее высочеству обратно. Марта 1810. Тверь»⁶⁸.

Список Гагарина включал и «Замечание» Ростопчина, обозначенное в воронцовской копии № 1 и приведенное выше. Трудно сказать, почему издатель «политического мемориала» В. Кашпирев не поместил в своем сборнике ОРЗ – то ли по цензурным соображениям, то ли он его просто не видел, поскольку список Гагарина попал к нему также в копии, хранившейся в бумагах И.П. Шульгина.

Когда же С.Р. Воронцов получил третье письмо и комментарий Ростопчина? Нижней границей может быть назван 1813 год, когда возобновилась его переписка с Ростопчиным, прерванная в 1803 году. Однако, судя по сохранившимся письмам последнего (а они отправлялись нечасто), копии ОРЗ и КР вряд ли были посланы до отставки Ф.В. Ростопчина, последовавшей 30 августа 1814 года. Известно, что в мае 1815 года Федор Васильевич для лечения выехал за границу; он побывал на водах в Карлсбаде, а затем перебрался в Париж, где поселился с семьей в 1817 году и пробыл там до середины 1823 года. Туда же, по-видимому, переехал архив

Ростопчина, поскольку в Париже он писал воспоминания о 1812 году, а также готовил к изданию свою переписку с Кутузовым. С апреля по июнь 1820 года Ростопчин ездил в Лондон, где почти каждый день встречался с С.Р. Воронцовым. Последний же посещал Париж в 1815, 1819 и 1821 годах. Вероятнее всего, именно в это время ОРЗ и КР, а также другие исторические материалы были переданы Ростопчиным Воронцову⁶⁹.

От ОРЗ и КР, хранившихся в архиве Воронцовых, происходят два списка. Один из них хранится в фонде секретного архива Третьего отделения вместе с письмом Е.А. Шаховской, посланным в 1836 году к ее брату-декабристу Петру Муханову, находившемуся в то время на поселении в Иркутской губернии. Третье отделение перехватило это письмо. Если копии ОРЗ и КР действительно принадлежали Шаховской, то определить ее источник не составляет большого труда. Ее муж, В.М. Шаховской, был адъютантом М.С. Воронцова в бытность того новороссийским генерал-губернатором. Очень вероятно, что Валентин Михайлович был допущен в ценнейшую библиотеку Воронцовых, где хранились различные рукописи. Копию ОРЗ и КР мог передать брату декабриста, известному собирателю рукописей Петру Александровичу Муханову, и М.П. Погодин, также работавший в архиве Воронцовых в Одессе⁷⁰.

Другой список этих документов хранится в фонде Миллеров в Отделе рукописей РГБ. Он полностью соответствует списку Муханова, и его источник не вызывает сомнения. Как известно, П.И. Миллер в феврале 1833 года был определен секретарем к А.Х. Бенкендорфу и прослужил в этой должности до 1846 года. Он и снял данную копию⁷¹. Попав в Третье отделение, письмо и комментарий, несомненно, были представлены Николаю I, который в то время знакомился со многими секретнейшими документами своих архивов. Знал ли император об их существовании до 1836 года – сказать определенно невозможно; прямые указания отсутствуют.

Кроме названных в Рукописном отделе собственных е. и. в. библиотек в Зимнем дворце хранятся еще две копии ОРЗ, написанные одной рукой, но, кажется, в разное время¹⁴. Александр II положил их в конверт, на котором он написал: «Копия с письма гр. Алексея Орлова к императрице Екатерине в 1762 году»⁷². Источник этих копий нам, кажется, удалось найти. К одному из мест своего перевода книги Рюльера «Переворот 1762 года» М.Н. Лонгинов в мае 1870 года сделал следующее примечание, касающееся ОРЗ: «Граф Ростопчин успел тут же списать с записки копию, которую послал графу С.Р. Воронцову в Лондон и которая ныне хранится у Воронцовых». К слову «С.Р. Воронцову» сделана сноска, в которой говорится: «Сказано мне лично князем Семеном Михайловичем Воронцовым, сожалевшим, что не имел под рукою для показания мне этой копии, которую привозил из Одессы показать государю в 1875 году. *Дмитрий Лонгинов*»¹⁵⁷³. Заметим, что 22 марта 1874 года М.Н. Лонгинов писал своему другу, князю А.Б. Лобанову-Ростовскому: «Кстати, у меня есть сделанный мною когда-то перевод книги Рюльера (очевидца) о восшествии на престол Екатерины II; к его рассказу сделан мною по каждому его показанию свод сведений, подтверждающих или опровергающих оное, или с ним разноречащих; кроме того, прибавлено к тексту множество примечаний, исчерпывающих почти все, касающееся этого события. Могу сказать, что полнее и аккуратнее не существует реферата о нем. Составлял я эту монографию в деревне, на досуге, конечно с тем, что она никогда не появится в свет. Рукопись моей руки, довольно объемистая; если бы было угодно, то ее можно переписать начисто и сделать ее таким образом “удобочитаемую”»⁷⁴. «Удобочитаемость» необходима была для Александра II, которому этот труд, по-видимому, и попал, оказавшись потом в Рукописном отделе собственных е. и. в. библиотек в Зимнем дворце.

¹⁴ Странно, что в упомянутых копиях ОРЗ отсутствует КР. Нельзя исключить, что они восходят к Екатерине Павловне, но это не рука Ф.В. Ростопчина. У одной из копий, написанной на половине листа, сохранилась часть филигранны, по которой можно лишь приблизительно датировать бумагу – не ранее 1806 года. Кстати сказать, этот листок долго носился в сложенном состоянии, и складки вытерлись.

¹⁵ Эту информацию сообщил М.Н. Лонгинову его брат, Дмитрий.

Вступив на престол, Александр II решил подробнее познакомиться с секретнейшими документами, хранившимися в Госархиве и, по-видимому, в императорском архиве, названном выше. Существуют записи о том, что уже в мае 1855 года он затребовал секретные пакеты с «Записками» Екатерины II. Многие из этих пакетов были запечатаны Николаем I и снабжены его собственноручными надписями следующего содержания: «Пакет сей не распечатывать без высочайшего собственноручного предписания». Ознакомившись с материалами, Александр II оставлял подобную же резолюцию⁷⁵. Заметим, что в случае конверта с ОРЗ подобной надписи не было. Означает ли это, что император не верил в нем рассказанному и хранил как исторический анекдот, неизвестно.

Несмотря на отсутствие императорского запрещения, письмо ОРЗ считалось секретным. Когда в 1874 году встал вопрос о публикации «Записок» княгини Дашковой, то они были отклонены отчасти из-за того, что содержали место, «где описывается, как император Павел I убедился в невинности императрицы Екатерины II в деле смерти Петра III», то есть историю с обнаружением ОРЗ. А отклонены упомянутые записки были при непосредственном участии М.Н. Лонгинова, который, будучи статс-секретарем, ведал печатью⁷⁶.

Цензурные проблемы с ОРЗ проявились и в случае с 25-м томом «Истории России» С.М. Соловьева¹⁶. 17 августа 1875 года министр народного просвещения Д.А. Толстой писал историку: «Я был у Вас... чтобы рассказать Вам о сегодняшнем моем докладе относительно щекотливого места Вашего 25-го тома... Не угодно ли Вам описать смерть Петра III, как Вы желаете, и прислать мне набранный лист. Я прочту это место государю в Ливадии, где буду в конце сентября, и о решении Его величества уведомяю Вас немедленно: так желает государь...» 30 сентября Толстой писал Соловьеву из Ялты: «...Сегодня прочел его императорскому величеству в Ливадии отрывок из Вашей истории царствования императрицы Екатерины II о насильственной смерти Петра III, и государь император изволил разрешить Вам напечатать об этом событии в том виде, как оно Вами изложено»⁷⁷.

П.И. Бартенев в «Воспоминаниях о С.М. Соловьеве» писал, что министр народного просвещения граф Д.А. Толстой лично привез историку «разрешение государя упомянуть в его Истории о насильственной кончине Петра III»⁷⁸. Но самое удивительное, что дело этим не закончилось. В фонде Канцелярии московского генерал-губернатора по Секретному отделению нам удалось найти маленькое дело, относящееся к октябрю 1875 года и касающееся упомянутого 25-го тома «Истории»⁷⁹. Исполняющий обязанности старшего инспектора типографий в Москве сообщал московскому генерал-губернатору князю Владимиру Андреевичу Долгорукову: «Имею честь донести вашему сиятельству, что сего числа вследствие распоряжения Московского цензурного комитета, основанного на телеграмме исправляющего должность начальника Главного управления по делам печати, задержан мною выпуск в свет 25-го тома «Истории России Сергея Михайловича Соловьева», отпечатанного в Университетской типографии в количестве 2400 экземпляров. Исправляющего должность старшего инспектора типографий и т. п. заведений в Москве младший инспектор... 16 октября 1875 г.». Но не прошло и двух недель, как названный московский чиновник информировал князя Долгорукова, «что 25-й том «Истории России С. Соловьева», задержанный того же 16 октября по распоряжению г. исправляющего должность начальника Главного управления по делам печати, сего числа выпущен в свет. 28 октября 1875 г.».

Еще одна из известных нам копий ОРЗ и КР хранится в Отделе рукописей РГБ в фонде Орловых-Давыдовых. Она, несомненно, носит поздний характер: написана во второй половине XIX или в начале XX века. Жаль, что владельцы никак не прокомментировали, откуда попал к ним этот документ, и не высказали своего отношения к нему⁸⁰.

¹⁶ Глава 2 25-го тома содержит описание кончины Петра Федоровича: «смерти насильственной» (XIII, 108).

Свидетельства

Надежным доказательством существования ОРЗ было бы свидетельство еще какого-либо лица, его видевшего. Таким человеком называют княгиню Е.Р. Дашкову. Насколько нам известно, это мнение впервые высказал А.И. Герцен в статье, ей посвященной и появившейся в 1857 году в 3-й книге «Полярной звезды». Основывая свое мнение на «Записках» Дашковой, Герцен утверждал, что Екатерина II показывала ей это письмо.

Здесь придется сделать небольшое отступление от свидетельства Дашковой и завершить линию свидетельств, связанную с именем Герцена. Не вызывает сомнения, что издатель «Полярной звезды» не знал о существовании комментария Ростопчина. В упомянутой статье о Дашковой он пишет: «Я слышал о содержании этого письма от достоверного человека, который сам его читал; оно в этом роде: “Матушка императрица, как тебе сказать, что мы наделали, такая случилась беда, заехали мы к твоему супругу и выпили с ним вина; ты знаешь, каков он бывает хмельной, слово за слово, он нас так разобидел, что дело дошло до драки. Глядим – а он упал мертвый. Что делать – возьми наши головы, если хочешь, или, милосердная матушка, подумай, что дела не воротишь, и отпусти вину нашу”». К этому тексту Герцен сделал небольшое примечание: «Таков смысл письма, за слова я не отвечаю, я его повторил через долгое время по памяти»⁸¹.

Человеком, рассказавшим Герцену о третьем письме Орлова, был Константин Арсеньев, преподававший русскую историю и статистику великому князю Александру Николаевичу. В предисловии к французскому изданию «Записок» Екатерины II (1858) Герцен писал: «Он говорил мне в 1840 году, что им получено разрешение прочесть множество секретных бумаг о событиях, происходивших в период от смерти Петра I и до царствования Александра I. Среди этих документов ему разрешили прочесть “Записки” Екатерины II». По-видимому, тогда Арсеньев видел и список третьего письма Орлова, хранившийся в Рукописном отделе императорских библиотек в Зимнем дворце⁸².

Свидетельство Герцена подтверждается следующими документами, опубликованными П. Пекарским в биографическом очерке о К.И. Арсеньеве. В 1835 году В.А. Жуковский представил императору Николаю I следующий доклад: «Для преподавания новейшей истории Российского государства нужно будет справляться с подлинными актами, хранящимися в архивах. Действительный статский советник Арсеньев представил мне список тех, кои могут быть ему потребны: одни находятся в Государственном архиве, другие – в архиве иностранных дел. Испрашиваю всеподданнейше высочайшего позволения вашего императорского величества Арсеньеву – брать нужные ему акты из означенных архивов под свою расписку». На что последовало высочайшее разрешение, правда с оговоркой, чтобы Арсеньев пользовался историческими материалами «в самом архиве и чтобы они ни под каким видом из архива не были выпускаемы». К.И. Арсеньев знакомился в основном с материалами XVIII столетия, из которых делал многочисленные выписки, часть которых была после его смерти опубликована⁸³.

В предисловии к русскому изданию «Записок» Екатерины II (1859) Герцен поместил небольшой материал, сопровождавший рукопись «Записок», в котором говорилось: «В самый день смерти матери, Павел приказал графу Ростопчину запечатать и потом разобрать ее бумаги. Вместе с знаменитою запискою полуграмотного Алексея Орлова (“Матушка, пощади и помилуй, дурак наш вздумал драться, мы его и порешили...”), прочитав которую Павел перекрестился и сказал: “Слава Богу! Наконец я вижу, что мать моя не убийца...”»⁸⁴

Считается, что рукопись «Записок» Екатерины II привез Герцену П.И. Бартенов, побывавший в Лондоне в августе, а затем ноябре 1858 года¹⁷. В то время будущий издатель «Русского архива», по-видимому, еще не знал воронцовского списка ОРЗ и КР. Однако он слышал о существовании писем А.Г. Орлова из Ропши, как и о многом другом, хранящемся в большом секрете, от Д.Н. Блудова. После окончания университета в 1851 году Бартенов был некоторое время учителем детей дочери Блудова – Л.Д. Шевич, а также дружил с ее сестрой – Антониной Дмитриевной. Вот что Бартенов писал в своих воспоминаниях: «Беседы с графом Блудовым и мои расспросы у него были для меня тем, что немцы зовут *historische Vorstudien*. В это время почти ничего не позволялось печатать о русской истории XVIII века... Блудов же был необыкновенно словоохотлив, и я внимал ему, аки губа напояема»⁸⁵.

Только через полвека Бартенов начал раскрывать источник своей информированности. В 1905 году в примечании к статье «Самозванка Тараканова» он поместил интересную записку о Д.Н. Блудове, основанную на собственных рассказах последнего. Оставив дипломатическую службу, еще в царствование Александра I, Дмитрий Николаевич занялся изданием актов Венского конгресса. Н.М. Карамзин указал на него императору как на продолжателя своего исторического труда. Блудову был открыт доступ в Государственный архив и даже дозволено брать дела домой. По предложению Карамзина он составил описание событий 14 декабря 1825 года, которое так понравилось Николаю I, что тот обнял Дмитрия Николаевича и сказал: «Теперь ты мой». Блудов был назначен статс-секретарем. Император поручил ему ряд исторических изысканий, которые, как подчеркивает Бартенов, удовлетворяли «историографическую любознательность Николая Павловича до самой его кончины»¹⁸⁸⁶.

Документы, хранящиеся в РГАДА, подтверждают сказанное выше. Так, уже в ноябре 1826 года Д.Н. Блудов был приглашен для рассмотрения различных бумаг, оставшихся в кабинете Александра I. В своем докладе о проделанной работе он писал: «Сия воля вашего императорского величества исполнена и в подносимых при сем кратких реестрах я старался с величайшей тщательностью означить все бумаги, показавшиеся мне по какой-либо причине более или менее достойными особого замечания. Большая часть сих дел не касается собственно ни одной из отраслей государственного управления в настоящем их виде и положении; почти все они принадлежат к тому времени, которое можно уже назвать *историческим*. Но в сем последнем отношении некоторые и даже весьма многие бумаги отменно любопытны...» В 1830 году Д.Н. Блудов изучил и бумаги, хранившиеся в кабинете Павла I⁸⁷.

В результате этих разысканий были найдены, как писал П.И. Бартенов в № 1 «Русского архива» за 1907 год, вспоминая рассказы Блудова, «два собственноручных письма Алексея Григорьевича Орлова к Екатерине». Обратите внимание: именно *два и собственноручные*, а не копии. Бартенов, основываясь на упоминаемом в «Записках» Е.Р. Дашковой письме Орлова о смерти Петра III, писал: «В первом из них он (Орлов. – *О. И.*) описывает свое пребывание в Ропше и намекает, что Петр еще опасен: а урод-то наш то-то и то-то заговаривает (письмо писано безграмотно), и что надо бы с ним разделаться. Приготовив этим письмом государыню, в следующей записке он извещает о свершившемся злодействе... Эти записки хранились в бумагах Екатерины. Павел Петрович, вступив на престол, отыскал их и с радостью, перекрестившись, воскликнул: “Слава Богу, наконец-то я вижу, что мать моя не преступница”»⁸⁸.

¹⁷ В нашей работе «Из истории династических документов» эта версия оспаривается.

¹⁸ Весьма любопытно, что Николай I и Блудов придерживались диаметрально противоположных точек зрения в оценке Екатерины II. Император, еще от своей матери получивший предубеждение против Екатерины, называл ее обыкновенно «черною женщиной», распространяя свою ненависть «не только к лицу ея, но и ея учреждениям» («Записки» Екатерины II. С. VII). Д.Н. Блудов, напротив, считал, что Екатерина несколько не виновна в тех злодействах, «в коих упрекают ее иностранные писатели и о которых так горько слушать русскому почитателю ее» (РА. 1907. № 1. С. 0162).

Очевидно, что Бартенев тут основывается на рассказах Д.Н. Блудова, записавшего, как мы помним, в свое время, что в ОР2 объявляется о смерти Петра III. Очевидно, что издатель «Русского архива» не видел подлинников первого и второго писем Орлова. Таким образом, Бартенев не мог сообщить А.И. Герцену достоверных сведений о письмах Орлова. Из России в Лондон продолжали поступать свидетельства в подобном духе: во второй книге «Исторического сборника Вольной русской типографии в Лондоне» (1861) в материале «О происхождении Павла I» текст записки Орлова передавался так¹⁹: «Матушка, пощади и помилуй, дурак наш вздумал драться, мы его и порешили»⁸⁹.

Вернемся теперь к основному свидетелю – Екатерине Романовне Дашковой. Ни в лондонском издании «Записок Дашковой» 1859 года, ни в издании 1881 года в 21-й книге «Архива кн. Воронцова» не говорится прямо, что Екатерина Романовна видела ОР3. Вот, например, отрывок из герценовского издания: «Кто уважал память Екатерины И, для того ничего не могло быть отраднее этого открытия (письма Орлова. – *О. И.*). Мои убеждения на этот счет не нуждались в доказательствах; за всем тем я радовалась находке подобного акта, который заставлял молчать самую отвратительную клевету...»⁹⁰ Почему Дашкова говорит о «находке подобного акта», а не хорошо ей известного документа? Возможно, Екатерина Романовна сознательно создавала у читателей некоторую неопределенность. Так, в варианте «Записок», опубликованном в 1881 году, сказано: «...Письмо Алексея Орлова, тщательно сохраненное ею в шкатулке, вскрытой Павлом после ее смерти...»⁹¹ Это можно понимать и как упоминание о *шкатулке, известной Дашковой*, и как о *шкатулке, найденной Павлом*, а Дашковой *неизвестной*.

Двусмысленно звучит и следующая фраза: «Когда, уже после кончины Павла, я узнала, что это письмо не было уничтожено и что Павел велел прочесть его в присутствии императрицы и Нелидовой и показал письмо великим князьям и графу Ростопчину, я была так счастлива, как редко в моей жизни»⁹². Кем «не было уничтожено» – Екатериной или Павлом? Если Екатериной, то, возможно, Дашкова имеет в виду известный ей документ. Если же Павлом, то все остается неопределенным. Что стоило княгине ясно и просто сказать: «Я знала о существовании письма Орлова (сама видела) и очень рада тому, что оно сохранилось». Примечательно, что Екатерина Романовна в другом месте своих «Записок» не забыла упомянуть письмо А.Г. Орлова к Екатерине II, касающееся заговора Мировича, в котором она упоминалась⁹³.

Если Екатерина Романовна знала раньше об ОР3, то почему известие о нем она поместила в подстрочных примечаниях и притом к какому-то случайному месту? В ее «Записках» есть раздел, куда бы этот текст вписался более органично. Речь идет об абзаце, начинающемся словами: «Однако довольно об этом несчастном государе, которого судьба поставила на пьедестал, не соответствующий его натуре»⁹⁴. Заметим, что в этом отношении герценовское издание выглядит более органичным, хотя известно, что издательница английского варианта «Записок» (1840), подруга княгини, М. Брэдфорд, переносила в текст подстрочные примечания, а также редактировала его в соответствии со своими воспоминаниями.

Другим, правда, косвенным доказательством того, что Дашкова не видела подлинного третьего письма Орлова, служат ее комментарии на книгу К. Рюльера «История и анекдоты о революции в России в 1762 году». В этой книге есть следующее примечательное место: «Нельзя достоверно сказать, какое участие принимала императрица в сем приключении (убийстве Петра Федоровича. – *О. И.*), но известно то, что в сей самый день, когда сие случилось, государыня садилась за стол с отменною веселостью. Вдруг является тот самый Орлов – расстрепанный, в поте и пыли, в изорванном платье, с беспокойным лицом, исполненным ужаса и торопливости. Войдя в комнату, сверкающие и быстрые глаза его искали императрицу. Не говоря ни слова, она встала, пошла в кабинет, куда и он последовал; через несколько минут

¹⁹ Напомним, что в этом же сборнике опубликован текст ОР3.

она позвала к себе графа Панина, который был уже наименован ею министром. Она известила его, что государь умер, и советовалась с ним, каким образом публиковать о его смерти народу. Панин советовал пропустить одну ночь и на другое утро объявить сию новость, как будто сие случилось ночью. Приняв сей совет, императрица возвратилась с тем же лицом и продолжала обедать с тою же веселостью. Наутро, когда узнали, что Петр умер от геморроидальной колики, она показалась орошенная слезами и возвестила печаль свою указом»⁹⁵.

Этот фрагмент, конечно, не прошел мимо внимания Дашковой. Казалось, что именно здесь она должна была бы обрушиться с критикой против «хитросплетений лжи и гнусных измышлений, возведенных на Екатерину Великую некоторыми французскими писателями». Но нет. Екатерина Романовна не говорит, что все это ложь, что существовало письмо Орлова, снимающее все сомнения в виновности императрицы, что Панин не предлагал ничего подобного, наконец, что Екатерина II была не менее Дашковой (а возможно, и более) потрясена смертью Петра Федоровича. Единственно, что опровергает княгиня: участие в ропшинских событиях Г.Н. Теплова²⁰. Впрочем, Дашкова не входила в подробную критику названного сочинения.

В тот же год, когда появилась книга Рюльера, в Париже увидело свет сочинение Жана Кастера «Жизнь Екатерины II, российской императрицы». В следующем году оно было переиздано там же на немецком языке. Несмотря на запрещение, труд Кастера получил большое распространение в России, попал он и в руки Е.Р. Дашковой, которая сделала в нем многочисленные пометы. К счастью, этот экземпляр сохранился. Удивительно, но исследователи, изучавшие его, в ряде существенных моментов высказывают даже противоположные суждения.

Так, в опубликованной в 1922 году статье О.Е. Корнилович-Зубашевой «Княгиня Дашкова за чтением Кастера» сказано: «Дашкова отвергает рассказ Кастера о смерти Петра III и дает ту же самую версию о письме Алексея Орлова, найденном в шкатулке после смерти Екатерины, которая находится и в ее «Записках». Исследовательница полагает, что свои заметки Дашкова делала *после* работы над «Записками».

Иной точки зрения придерживается В.А. Сомов в статье «Книга о Екатерине II из библиотеки Е.Р. Дашковой». Он считает, что именно замечания на книги Рюльера и Кастера использовались Дашковой для написания ее «Записок». Исследователь утверждает, что, «прочитав у Кастера подробное описание убийства царя, Дашкова не опровергает его рассказ...». Подобное суждение выглядит странно. По версии Кастера, в убийстве Петра Федоровича активную роль играл Г.Н. Теплов, а известие о смерти бывшего императора, как и в рассказе Рюльера, привез А. Г. Орлов⁹⁶.

Судя по всему, Дашкова ничего не знала ни о первом, ни о втором письме Орлова, хотя что-то слышала о двух или трех письмах Петра Федоровича к Екатерине II⁹⁷. А учитывая все сказанное выше, берем на себя смелость утверждать, что она не видела и ОРЗ. Неопределенность свидетельства Екатерины Романовны можно объяснить и тем, что ей, защитнице чести Екатерины II, было стыдно признаться, что та не показала ей столь важного письма.

От кого же тогда Екатерина Романовна узнала о существовании ОРЗ и его содержания? Полагаем, что этим человеком был Ф.В. Ростопчин. Аргументов тут можно привести

---

²⁰ Участие Г.Н. Теплова в ропшинских событиях не вызывает сомнения. Надо сказать, что замечание Дашковой о нем: «Неправда, что Теплов был послан в Ропшу» – не совсем ясное. Это можно трактовать и как: Теплов не был в Ропше, и как: Екатерина II не посылала его в Ропшу. О приятельских отношениях Теплова и Дашковой в ту пору известно. Княгиня утверждает, что она подала идею привлечь к заговору Теплова (Дашкова Е.Р. Записки. 1987. С. 63; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XIII. М., 1994. С. 120). Скорее всего, Дашкова хорошо знала, что произошло в Ропше, если не от Екатерины, то от ее знакомых, бывших там с А.Г. Орловым. Но в основном тексте «Записок» она решила ограничиться приведенной выше фразой «Однако довольно об этом несчастном государе...». Похоже, Дашкова знала истину, но не хотела о ней говорить. Как раз в этом месте княгиня должна была излить весь свой гнев на А. Орлова, но она молчит и отправляет всю свою эффектную сцену с его письмом в примечание к другому месту.

несколько: и то, что в «Записках» Дашковой Ростопчин назван одним из тех, кому Павел I показал ОРЗ, и то, что излагаемое в «Записках» содержание этого письма близко к воронцовскому списку. Сохранились сведения о встречах Дашковой с Ростопчиным. Так, 18 января 1803 года в письме к С.Р. Воронцову Ростопчин сообщал: «Я встречался в некоторых домах с вашею сестрою, и мы не могли довольно наговориться и поспорить между собою. Она чересчур пристрастно судит о делах и не хочет убедиться, что изменения и новизны приносятся самим временем. Ей все кажется, что она живет в 1762 году, и она никак не хочет убедиться, что лучший способ спокойно смотреть на современные события заключается в невозможности устранить зло и в ограничении своей деятельности определенным, непереступаемым кругом»⁹⁸.

С самого начала нового царствования Дашкова почувствовала свою ненужность, несмотря на провозглашенное возвращение нового императора к принципам своей бабки. «... Я с грустью видела, – пишет Екатерина Романовна, – что Александр окружил себя молодыми людьми, небрежно относившимися к особам преклонного возраста... Каково было мое негодование, – продолжает она, – когда я услышала, что лица, окружавшие государя и обыкновенно враждовавшие между собой, однако, в один голос поносили царствование Екатерины II и внушали молодому монарху, что женщина никогда не сумеет управлять империей». Как-то в 1802 году на обеде у брата, Александра Романовича (где присутствовал и С.Р. Воронцов), Дашкова так горячо защищала Екатерину от нападок присутствовавших, что, по ее словам, даже опасно заболела".

Ф.В. Ростопчин, также не призванный к делам новым императором, по-видимому не совсем бескорыстно подыгрывал Екатерине Романовне, остававшейся еще первой статс-дамой императорского двора и имевшей многочисленные родственные связи и знакомства. Как-то Дашкова дала ему для снятия копии письмо Дидро, Федор Васильевич вернул его с запиской, заканчивающейся такими словами: «Превосходный философ, могучий оратор, глубокий наблюдатель; природа была страстью его; пламенная душа его порывалась охватить великие произведения Вечного. Отсюда вытекало уважение его к княгине Дашковой»¹⁰⁰.

Однако приватно Ростопчин давал и другие оценки Екатерине Романовне. Так, в письме от 4 февраля 1804 года к князю П.Д. Цицианову он писал: «Посещая в бытность мою в Москве несчастную Небольсину, имел я тут нередко случай видеться, говорить и спорить с княгиней Дашковой; что же из сего вышло? Она от меня без памяти, пишет, и я должен отвечать, читать у ней все важные переписки, а она, кстати и некстати, кричит, что она в своей жизни нашла лишь трех человек, кои делают честь людям: Фридриха Великого, Дидерота и меня. Однако ты не думай, чтоб я возгордился. Ее похвалы и яд и лекарство; и похваляя час, примется доказывать, что сын ее, недоросль умом и душой²¹, Павел Михайлович, есть божество, коего свет не достоин»¹⁰¹.

Подруга Дашковой, ирландка М. Вильмот отмечает в дневнике в июне 1804 года два посещения княгини Ростопчиным: «Граф Ростопчин произвел чрезвычайно хорошее впечатление». Через год М. Вильмот вновь упоминает о посещении Федора Васильевича: «Мы засиделись допоздна, разговор вращался вокруг различных событий русской истории. Княгиня упомянула о визите, который Екатерина II сделала несчастному Ивану...»

В это время, если верить цитированному дневнику, Дашкова интенсивно пишет свои мемуары, начало работы над которыми М. Вильмот относит к 10 февраля 1804 года. А вот запись подруги княгини от 25 августа 1804 года: «В настоящее время княгиня очень усердно пишет свои "Записки", и я с удивлением наблюдаю, с какой быстротой она продвигается впе-

²¹ Нельзя исключить того, что ревнивый к царским почестям Ф.В. Ростопчин с большим неудовольствием следил за приближением сына княгини Дашковой к Павлу I (*Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 200–202). Кроме того, стоит добавить, что, если верить одной из гравюр Павла Михайловича, он «российский генерал-адъютант, лондонского философического и других ученых обществ член».

ред». Последние страницы мемуаров были, по-видимому, написаны в октябре 1805 года. Вероятно, после этого Дашкова вносила в рукопись некоторые дополнения в виде подстрочных примечаний: что-то припоминала она сама, что-то могли подсказать читавшие рукопись¹⁰².

8 февраля 1806 года Марта Вильмот делает в своем дневнике следующую весьма любопытную запись: «Обедали у генерала Кнорринга, где встретили князя Барятинского. Князь очень высок и, хотя совсем не худ, походит на призрак. Там был и его брат, напротив, очень толстый и на вид добродушный, хотя именно его руками совершен ужасный акт, закончивший революцию 1762 года. Боже мой, я всегда восхищалась этим простым, добродушным лицом и до сего дня не знала (здесь подчеркнуто мной. – *О. И.*), что я восхищаюсь убийцей, так мало в его наружности заметны отвратительный характер и кровожадный нрав! *Трудно* вообразить, что он совершил злодеяние воодушевленный энтузиазмом, полагая, что совершает геройский поступок. Один Господь знает, *как* он оправдывает все это перед своей совестью, но говорят, что когда Павел I в наказание приказал ему сидеть у гроба Петра III главным *плакальщиком* (весьма изобретательно!), он не выказал ни угрызений совести, ни волнения, тогда как граф Алексей Орлов был крайне взволнован и несомненно несчастен, а ведь он совсем *не трус*»¹⁰³.

Первый вывод, который можно сделать после прочтения этого текста, что Дашкова никогда не рассказывала Марте Вильмот о существовании третьего письма Орлова, где непосредственно указывается на Федора Барятинского. Во-вторых, Вильмот, скорее всего, читала книги Рюльера и Кастера (последнюю – наверняка), в которых Барятинский называется непосредственным участником убийства. Таким образом, «до сего дня» не знать ей об этом было вряд ли возможно. Однако, безоговорочно доверяя Дашковой, она, вероятно, не принимала сказанное там за истинное. Судя по тексту приведенной записи, сведения, полученные незадолго перед этим, а возможно, и в самый этот день, показались Вильмот настолько достоверными, что она ни на минуту в них не усомнилась, несмотря на то что в уже подготовленном тексте «Записок» Дашковой вся вина в убийстве Петра Федоровича сваливалась на одного А.Г. Орлова.

Объективность требует упомянуть письмо сестры Марты Вильмот, Кэтрин, домой от 18 февраля 1806 года. Рассказывая об одном званом обеде, на котором присутствовали старые екатерининские вельможи, она писала: «Граф Алексей Орлов, вице-адмирал в екатерининские дни, ныне богаче любого князя в христианском мире, он наслаждается азиатской роскошью. Рука, удушившая Петра III, покрыта бриллиантами, а один огромный алмаз закрывает портрет Екатерины, улыбающейся ему в вечной благодарности»¹⁰⁴. Противоречие между рассказами сестер, как нам кажется, объясняется тем, что Кэтрин Вильмот приехала в Россию в сентябре 1805 года и знала значительно меньше, чем ее сестра, которую Дашкова очень любила и которой посвятила свои «Записки».

Исходя из всего сказанного выше, позволим себе сделать следующее предположение: скорее всего, после прочтения «Записок» Дашковой Ф.В. Ростопчин сообщил ей содержание ОРЗ. При этом то, что он рассказал Екатерине Романовне, существенно отличалось в ряде моментов от написанного в комментарии к ОРЗ, хранящемуся в фонде Воронцовых. Во-первых, Ростопчин рассказал, что, кроме его и Безбородко, письмо Орлова видели великие князья, императрица Мария Федоровна и Нелидова, а также что Павел I, ознакомившись с письмом, произнес не раз приводимую выше фразу. Эти важные подробности не попали в его комментарий. Напротив, в нем присутствует сообщение об уничтожении письма, о чем Дашкова, если бы знала, не могла не упомянуть (она же говорит, что после смерти Павла стало известно, что письмо Орлова не было уничтожено).

Ростопчин прекрасно понимал, на какую почву ложилось его сообщение об ОРЗ. «Я знаю только два предмета, – писала Е.Р. Дашкова Кэтрин Гамильтон, – которые были способны воспламенить мои бурные инстинкты, не чуждые моей природе: неверность мужа и грязные пятна на светлой короне Екатерины II»¹⁰⁵. При такой установке любой сколько-нибудь вероятный

материал, обелявший императрицу, должен был принят, как говорят, на ура, а человек, его сообщивший, становился «истинным другом».

В свете сказанного представляется далеко не случайным, что в своем духовном завещании Дашкова велела отдать Ростопчину хранившийся у нее в спальне портрет Екатерины II, «что в трауре и в красной ленте»¹⁰⁶. Другим, по-видимому, куда более важным следствием благоволения Екатерины Романовны явилось ее содействие знакомству Ф.В. Ростопчина с великой княгиней Екатериной Павловной, которая была любимой внучкой Екатерины II и получила от нее свое имя, а в церемонии ее крещения вместе с императрицей участвовала статс-дама княгиня Е.Р. Дашкова¹⁰⁷.

Отношение Александра I к Ростопчину было, мягко сказать, не очень хорошее: в царствование Павла I Федор Васильевич осуждал поведение великого князя, о чем последний, конечно, знал. 28 марта 1800 года Ростопчин сообщал С.Р. Воронцову: «Я убежден, что императрица и наследник терпеть меня не могут»¹⁰⁸. В 1806 году граф Федор Васильевич написал письмо (попавшее к Александру Павловичу), в котором высказывал уверенность, что Аустерлицкое поражение явилось «Божьим наказанием» за смерть Павла I. Ростопчин резко критиковал и ближайшее окружение молодого императора, считая себя, конечно, крайне необходимым правительству. «У нас в изобилии плохие головы и плохие сердца, – писал он в августе 1803 года С.Р. Воронцову, – и нет души русской, по милости нашего воспитания и благодаря господствующим в обществе идеям. Не знаю, как это выходит, но, за исключением негодяев и некоторых так называемых философов, все недовольны». В письме же к П.Д. Цицианову от 5 апреля 1805 года Ростопчин констатирует то же состояние: «К несчастью нашего отечества, первые места заняты людьми, кои ни о чести императора, ни о благоденствии России нимало не пекутся, а, несмотря на обиды и презрение, остаются при местах для того, что их в том собственная польза»¹⁰⁹.

Именно благодаря стараниям Дашковой и Екатерины Павловны в декабре 1809 года Ф.В. Ростопчин получил возможность представиться императору во время посещения им Москвы. Тогда же по ходатайству великой княгини Ростопчину была поручена Александром I ревизия московских богоугодных заведений. Федор Васильевич с ревностью занимался этим делом и в награду 24 февраля 1810 года был назначен обер-камергером, с правом числиться в отпуску и не приезжать в Петербург. Такой поворот событий не мог устроить Ростопчина. Он усиливает свои контакты с Екатериной Павловной, ездит к ней в Тверь, сообщает интересные исторические сведения, развлекает... И великая княгиня не остается неблагодарной. По словам А.Я. Булгакова, она «почти вынудила» Александра I назначить Ростопчина²² генерал-губернатором Москвы¹¹⁰.

По-видимому, упоминавшееся письмо Федора Васильевича к Екатерине Павловне от 24 марта 1810 года было первым шагом в движении к названной должности. Через несколько недель, в апреле, он отправляет в Тверь новое послание: «Государыня! *Верьте сим двум неоспоримым истинам, что император Павел, взойдя двадцать прежде лет на российский престол, превзошел бы делами Петра Великого и что Ростопчин, не имея дарований Меншикова, Шафирова и Остермана, более их был предан, верен и признателен своему благодетелю. Найдя верный случай, отправляю к В И высочеству записки о происшествиях, коим я был очевидец. Тут нет ничего упущенного, ничего прибавленного, и картина страшного сего дня писана с истины. К приезду моему в Тверь я заготовлю собственно для вас историю сословия мартинистов в России, имея все нужные для сего сведения»* (курсив наш. – О. И.)¹¹¹. Упомянутые записки

²² Сам же Ростопчин в «Записках о 1812 годе» рассказывал, как он отказывался от этой должности (*Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 246–247*).

были действительно представлены Екатерине Павловне (последняя, правда, с опозданием – в 1811 году).

Следует заметить, что упомянутые выше «неоспоримые истины» нуждаются в известной корректировке, позволяющей лучше понять характер Ростопчина. Долгое время его отношение к наследнику было отрицательным. В этом отношении много говорят его письма к С.Р. Воронцову. 27 июля 1793 года Ростопчин весьма откровенно делится своими взглядами на Павла Петровича: «Он очень на меня рассчитывает, расточает мне внимание и любезности, говорит, что я с ним могу быть, как мне хочется, и это меня чрезвычайно стесняет, ибо *для меня нет ничего в свете страшнее после бесчестия, как его благосклонность* (курсив наш. – О. И.)¹¹². «Зная лучше других, – сообщает в письме от 20 июля 1794 года Федор Васильевич С.Р. Воронцову, – насколько его характер склонен к перемене, я мало полагаюсь на теперешние его чувства и буду всеми мерами стараться не заходить слишком далеко в сближении с ним. Всего вернее ни во что не вмешиваться. Притом, *его тайны не имеют для меня ничего привлекательного, и я предпочел бы явную опалу и его ненависть унижению себя неблагоприятною услужливостью*, которые многие считают дозволенным и нисколько не преступным средством» (курсив наш. – О. И.)¹¹³. 8 декабря 1795 года тому же адресату Ростопчин сообщал: «Я все в тех же отношениях с великим князем-отцом: *избегаю его откровенности, никогда не приучаю его видеть меня два дня сряду и говорю ему правду, насколько это возможно при его характере*. Он говорит, что я также необходим ему, как воздух, но я хорошо знаю цену этим выражениям, и они не действуют на мои нервы. Я с ним езжу верхом, могу приходить к нему в кабинет, но *имею свой неизменный план действий, от которого не уклонялся еще ни на минуту*» (курсив наш. – О. И.)¹¹⁴. Правда, в 1796 году отношение Ростопчина к наследнику заметно, если верить его словам, изменяется. Так, в письме к Воронцову от 22 февраля он замечает: «... Чувство благодарности за дружественное расположение великого князя внушило мне решимость доказать ему, в какой мере я ценю это расположение. Видя, как он всеми забыт, унижаем и оставлен в пренебрежении, я не хочу видеть его недостатков, происходящих, быть может, от характера, ожесточенного обидами. Он осыпал меня милостями, и я внимаю лишь голосу моего сердца. *Я слишком чужд расчетов честолюбия, чтоб предаваться каким-либо мечтам о будущем...*» – и тут же прибавляет: «Я люблю великого князя от всего сердца, соболезную ему и надеюсь, что *он совершенно переменится, когда выйдет из настоящего положения* (курсив наш. – О. И.)¹¹⁵. Однако, по нашему мнению, именно последнее – воцарение Павла – двигало более всего Ростопчиным, когда особенно стали заметны немощи Екатерины II. Итог этим рассказам подводит письмо Ростопчина от 2 ноября 1798 года, в котором он пишет: «Я привязался к государю, когда он еще был великим князем, за то, что все его избегали и что его благосклонность была пятном, а выраженное им кому-нибудь презрение служило в пользу. *Вступив на престол, он осыпал меня благодеяниями. Вот наша связь; я ему верен, потому что так присягал. Я был прям и честен, за это подвергся преследованиям; думал вслух, за это меня прогнали. Вот я вернулся, не взлелеяв никакого чувства мести; но могу только негодовать, видя, что государь, расточивший миллионы благодеяний, не имеет у себя верных слуг. Его ненавидят даже собственные его дети; великий князь Александр ненавидит своего отца, великий князь Константин боится его. Дочери, руководимые, как и все прочее, матерью, с отвращением смотрят на отца; между тем все ему улыбаются, будучи рады видеть его погибель*» (курсив наш. – О. И.)¹¹⁶. Если бы Екатерина Павловна знала, что на самом деле в свое время писал Ростопчин об отношении к ее отцу.

В «Записке о мартинистах» Ростопчин, говоря о смерти Петра Федоровича, замечает, что она была «несправедливо приписана» Павлом Екатерине и «изглажена из памяти Европы 36-ти летним славным царствованием»¹¹⁷. Все это вызывало бы большое удивление, если бы мы не знали, для чего это делалось. Как же это так? Ведь было же найдено ОРЗ, и Павел якобы

произнес уже упоминавшиеся слова о невинности матери, как сообщает нам Дашкова, несомненно со слов Ростопчина. Как нам кажется, в «Записке о мартинистах» Федор Васильевич значительно ближе к истине. Федор Головкин, церемониймейстер при дворе Павла I, писал: «Первая мысль, озаботившая Павла I по восшествии на престол, состояла в том, чтобы опозорить память своей матери»¹¹⁸. Что стоило одно перезахоронение останков Петра III, а также уничтожение во всех губерниях и присутственных местах подробного манифеста о восшествии на престол Екатерины II от 6 июля 1762 года, а также современных газет, его содержащих¹¹⁹?!

Для воздействия на Екатерину Павловну Ростопчин воспользовался и тем, что он давно и хорошо умел делать, – «ремеслом комедианта» (его собственные слова из письма к С.Р. Воронцову от 27 июля 1793 года), которым так печально прославился в царствование бабки великой княгини. Ф.П. Лубяновский, секретарь принца Ольденбургского, вспоминал: «Граф Ростопчин отменно искусно представлял в лицах разные случаи из царствования императора Павла... Все рассказы графа Федора Васильевича имели полный успех, – со смеху от них помирали, несмотря на то, что были – и перед кем же (автор имеет в виду Екатерину Павловну. – О. И.)? – о царе благодетеле, который вывел рассказчика в люди, осыпав его милостями и почестями»¹²⁰.

На вечерах у Екатерины Павловны бывали Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, А.И. Мусин-Пушкин, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, А.Л. Нарышкин, И.А. Безбородко и др. Иногда ее посещали императрица Мария Федоровна и ее дети: Константин Павлович и сам Александр I. Тут, естественно, возникает вопрос: узнали ли все перечисленные лица о сообщенном великой княгине ОРЗ? Напомним, что Ростопчин просил Екатерину Павловну «удержать» у себя, то есть никому не показывать посылаемых им документов (хотя и это, вероятно, была уловка, чтобы повысить ценность сообщаемого). Трудно поверить в то, что великая княгиня не показала это письмо императору²³. Как писал великий князь Николай Михайлович, «пользуясь неограниченным доверием брата, Екатерина вела с ним аккуратную переписку, где касалась всех интересующих ее вопросов. Как мы видим, Александр отвечал, по мере возможности, на все заданные вопросы, удовлетворяя любопытство великой княгини; он даже любил вести с ней письменную беседу непринужденную и вполне откровенную». К сожалению, большинство писем Екатерины Павловны к брату за период с 1809 по 1811 год не сохранилось. В уцелевших же письмах Александра I к сестре нет ни слова о переданных ей Ростопчиным ОРЗ и КР. Правда, Николай Михайлович замечает, что Александр I «доводил осторожность в переписке до крайних пределов», не доверяя деликатных тем российской почте. Так, например, он предупредил Екатерину Павловну, чтобы она не распространялась о мартинистах. Может быть, и ОРЗ казалось ему столь же деликатной темой?¹²¹

Вполне возможно, что Ф.В. Ростопчин столкнулся с проблемой – объяснить различие сообщенного в КР и в «Записках» Дашковой. Дело в том, что Ю.А. Нелединский-Мелецкий (его дочь была замужем за А.П. Оболенским – адъютантом у принца Ольденбургского) был душеприказчиком Е.Р. Дашковой. После ее смерти 4 января 1810 года, пользуясь своим положением, Нелединский забрал к себе рукопись «Записок» Дашковой и удерживал ее у себя до февраля 1812 года, после чего «Записки» перешли к законному наследнику – М.С. Воронцову. За это время, несомненно, были сделаны копии. В.А. Мусин-Пушкин (1798–1854) читал «Записки» в марте 1812 года²⁴. Вообще же об их существовании знали многие родственники Дашковой. Трудно поверить, что о них не знала Екатерина Павловна. Правда, Н.М. Карамзин, которого великая княгиня очень ценила, ознакомился с воспоминаниями Дашковой лишь в 1819 году.

²³ Так же она поступила, по воспоминаниям М.А. Дмитриева, и с «Запиской о древней и новой России» Н.М. Карамзина, которую просила у историка написать для «своего собственного прочтения и хранить в тайне», а потом все-таки показала брату (*Дмитриев М.Л.* Московские элегии. М., 1985. С. 182).

²⁴ Не исключено, что в этом воспоминании перепутаны сын и отец – Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744–1817).

Заметим, в 1812 году Ю.А. Нелединский-Мелецкий посещал Ф.В. Ростопчина. Не просто, по-видимому, складывались отношения между этими людьми, разведенными в павловское царствование в разные партии. Нелединский-Мелецкий входил в интимный круг императрицы Марии Федоровны; из писем Ростопчина известно, как резко отрицательно он относился к этой партии. Возможно, что на их встречах вспоминались какие-то любопытные подробности прошлого. Однако спорить и «выяснять отношения» в высшем обществе было не принято. П.А. Вяземский, характеризуя это обстоятельство, писал: «В том же обществе, в том же доме, за обедом или на вечере, могли встретиться и князь Платон Александрович Зубов, и княгиня Екатерина Романовна Дашкова: первая страница и последняя страница истории царствования императрицы Екатерины, граф Ростопчин и граф Никита Петрович Панин – два почти политические противника. Граф Аркадий Иванович Морков и Оболянинов – две исторические и характеристические противоположности. Мистик и мартинист Иван Владимирович Лопухин и Нелединский – также далеко не близнецы и однородны»¹²². В таких условиях споры об истинности ОРЗ вряд ли были возможны.

Никто не стал тревожить вопросами Е.И. Нелидову: действительно ли письмо Орлова читалось в ее присутствии, как утверждалось в «Записках» Дашковой. Интересно отметить, что в издании последних в 1907 году переводчик, знавший о том, что Нелидова жила в то время в Смольном монастыре²⁵, преднамеренно исказил соответствующее место примечания Дашковой, изложив его следующим образом: «Павел I велел прочесть его (ОРЗ. – О. И.) в присутствии императрицы и *послать* (подчеркнуто мной. – О. И.) Нелидовой...»¹²³

Никто, наверно, не спрашивал Ф.В. Ростопчина о тех подробностях и их источнике, которые содержались в «Записках» Дашковой. Впрочем, если бы его и спросили, он мог все отнести к ошибке Екатерины Романовны – кто бы его проверил? Судя по тому, что и через два года после получения ОРЗ Екатерина Павловна продолжала хорошо относиться к Федору Васильевичу, никто не «прижал» его по поводу противоречия ОРЗ и КР и изложенного в «Записках» Дашковой¹²⁴.

Однако, как оказалось, Ростопчин был далеко не равнодушен к «Запискам» Екатерины Романовны. Он, как доказывают исследователи, пытался воспрепятствовать вывозу их в Англию Мартой Вильмот, которая была задержана в Кронштадте, вероятно по распоряжению самого императора. По намекам задержавшего ее офицера она начала догадываться, по чьей инициативе это происходило. Не называя имени, М. Вильмот характеризует доносчика как человека, которого она «считала до сих пор своим другом, известного в России, пользующегося доверием княгини, читавшего ее «Записки» с посвящением и знавшего, что они у меня». Послав из Кронштадта тайно полный отчет о происшествии к Дашковой, Вильмот не назвала ей доносчика; Екатерина Романовна так и не узнала имя человека, «который долго был в немилости при дворе и старался подняться на ее счет»¹²⁵.

Критика «Комментария Ростопчина»

Настало время подробно рассмотреть ОРЗ и КР. Начнем с последнего.

«После смерти императрицы Екатерины кабинет ее был запечатан г. прокурором графом Самойловым и г-м адъютантом Ростопчиным».

Изложение событий в КР совпадает с их описанием в записке Ростопчина «Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I»,

²⁵ О том, что Нелидова уже восемь месяцев жила в Смольном монастыре, поссорившись с женой Павла Петровича, пишет в «Последнем дне...» сам Ростопчин! Согласно камер-фурьерскому журналу за 1796 год, она появилась при дворе только 28 ноября.

кроме времени совершения этой акции (судя по дате, поставленной под списками этой записки, она была написана 15 ноября 1796 года). Федор Васильевич следующим образом излагает там ход событий: «Наследник, отдав мне свою печать, которую навешивал на часах, приказал запечатать вместе с графом Александром Николаевичем Самойловым кабинет государыни». В то время Екатерина II была еще жива. Самойлов якобы предложил составить опись вещей и бумаг в кабинете, но Ростопчин отверг это предложение, заявив, что «на сие потребно несколько недель и писцов». «Мы, – продолжает Федор Васильевич, – завязали в салфетки все, что было на столах, положили в большой сундук, а к дверям приложили вверенную мне печать»¹²⁶.

Так излагает ход событий Ростопчин. Однако существует более достоверное описание их. Одно из них представляет собой официальный отчет в камер-фурьерском журнале: Екатерина II еще дышала, но не было уже никаких надежд, «почему Его императорское высочество государь наследник великий князь Павел Петрович соизволил приказать обер-гофмейстеру графу Безбородке и генерал-прокурору графу Самойлову, при обозрении и свидетельстве Государей великих князей Александра Павловича и Константина Павловича, взяв императорскую печать, и все находящиеся в кабинете ее величества разные бумаги государских дел собрать в одно место и оные запечатать, к чему приступил и сам, начав собирать оные прежде всех, что все и исполнено при обозрении высоких лиц; бумаги собраны, запечатаны и положены в кабинет ее величества, у которого двери заперли и ключи вручили его высочеству государю наследнику Павлу Петровичу»¹²⁷.

Что касается другого описания, то оно содержится в «Записке о кончине высочайшей, могущественной и славнейшей государыни Екатерины II, императрицы российской в 1796 году» из архива Канцелярии церемониальных дел, которую опубликовал в 1869 году в первой книге сборника «Семнадцатый век» (изданной «вторым тиснением») П.И. Бартенев. В камер-фурьерском журнале был, по-видимому, представлен сокращенный вариант этой записки. В ней говорилось следующее: «...На другое утро, 6-го ноября, основываясь на донесении докторов, что уже не было надежды, государь великий князь наследник отдал приказание обер-гофмейстеру гр. Безбородко и государственному генерал-прокурору гр. Самойлову взять императорскую печать, разобрать в присутствии их высочеств великих князей Александра и Константина все бумаги, которые находились в кабинете императрицы, и потом, запечатавши, сложить их в особое место. К этому приступил его высочество сам, взяв тетрадь, на которой находилось последнее писание ее величества, и, положив ее, не складывая, на скатерть, уже на этот случай приготовленную, куда потом положили выбранные из шкафов, ящиков и т. и., тщательно опорожненных, собственноручные бумаги, которые после перевязаны лентами, завязаны в скатерть и запечатаны камер-фурьером Ив. Тюльпиным в присутствии вышеупомянутых высоких свидетелей. Та же мера была принята в присутствии его высочества великого князя Александра у его светлости князя Платона Зубова, генерал-фельдхейстера, относительно служебных бумаг, которые у него находились; они также были положены в кабинет ее величества, двери которого были заперты, запечатаны, а ключ отдан его высочеству государю великому князю наследнику. Это распоряжение окончено в полдень»¹²⁸. Заметим тут же, что вся эта процедура была продумана заранее. Готовясь отправиться на Турецкую кампанию, Павел Петрович 4 января 1788 года пишет жене, Марии Федоровне: «Тебе, любезная жена, препоручаю в самый момент несчастья (смерти Екатерины II. – О. И.), от которого удали нас Боже, весь собственный кабинет и бумаги государыни, собрав при себе в одно место, запечатать государственной печатью, приставив к ним надежную стражу, и сказать волю мою, чтоб печати оставались в целости до моего возвращения»¹²⁹.

Ф.В. Ростопчин, конечно, мог забыть некоторые детали того страшного дня. Но как же это могло случиться с упоминавшейся выше его запиской «Последний день...», написанной якобы по горячим следам событий – 15 ноября 1796 года? Вывод из сказанного следующий: или эта

записка писалась значительно позднее, или, по каким-то не совсем понятным обстоятельствам, Ростопчин решил не говорить правды²⁶. Вместе с тем несомненно, что он пытается преувеличить свою роль. Скорее всего, Федор Васильевич действительно присутствовал при описанной процедуре запечатывания кабинета Екатерины II, но выполнял чисто технические функции; генерал-адъютантом же Ростопчин был официально назван 7 ноября (возможно, поэтому он и не был упомянут в камер-фурьерском журнале от 6 ноября)¹³⁰. Полагаем, что П.И. Бартенев, публикуя ОРЗ и КР, скорректировал начало последнего в соответствии с камер-фурьерским журналом, а не воспроизвел его так, как он выглядел в воронцовском списке.

«Через три [дня] препоручено было великому князю Александру Павловичу и графу Безбородке рассмотреть все бумаги».

Эта фраза в известном смысле противоречит предыдущей, поскольку в той не упоминались Александр Павлович и Безбородко, а в этой не упоминаются сам Ростопчин и Самойлов. В «Записке о мартинистах» же, посланной Екатерине Павловне, Федор Васильевич говорит о том, что видел в архиве Екатерины II весьма секретные документы. Публикуя эту записку, П.И. Бартенев сделал к этому месту следующее примечание: «...Прибавим, что граф Ростопчин прибирал бумаги в рабочем кабинете Екатерины немедленно после ее кончины и некоторые из них, как нам положительно известно, успел списать»¹³¹. Узнал ли это обстоятельство Бартенев из КР, или кто-то, кто готовил русское предисловие для герценовского издания «Записок» Екатерины II²⁷, сообщил ему об этом, или что-то, пользуясь какими-то семейными преданиями, рассказал А.Ф. Ростопчин, мы не знаем.

В 1899 году П.И. Бартенев напечатал в своем журнале «Воспоминания и дневники А.М. Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой» (изданные перед этим дважды: в 1847 и 1864 годах, но не полно). Согласно этим запискам, запечатанные бумаги были взяты «из кабинета императрицы самим императором Павлом; из комнаты князя Зубова – наследником, а из канцелярии его – генерал-прокурором Самойловым и вице-канцлером графом Безбородко». Произошло это после коронавания останков Петра III. Следовательно, после 25 ноября (в дневнике Грибовского ошибочно указан декабрь). Конечно, это не исключает точечных изъятий отдельных документов, но Ростопчин этого не оговаривает¹³².

Тут следует обратить внимание на одну примечательную деталь. Перечисляя примеры глупости и подлости генерал-прокурора графа А.Н. Самойлова, Ростопчин пишет: «Но ничто меня так не удивило, как предложение его, чтобы, для лучшего и точного повеления наследника касательно запечатания вещей и бумаг в кабинете, сделать прежде им всем опись». Внешне справедливый аргумент Федора Васильевича о долговременности и трудоемкости этого процесса кажется все-таки подозрительным: как понять, что стоит за этим? То ли Ростопчин на самом деле получил приказ никого не допускать к бумагам покойной императрицы, то ли это была его личная инициатива, поскольку при столь ответственном деле он хотел быть главным. Но возможно, все это ложь. Следует заметить, что какие-то описи все-таки были составлены; они хранятся в Рукописном отделе Публичной библиотеки в Петербурге и носят название «Реестры рукописям и книгам российским и иностранным, законам и разным спискам и табелям, также атласам, картам и прочим вещам, находившимся в будуаре, в кабинете и в зеркальной комнате блаженная памяти императрицы Екатерины Алексеевны»¹³³.

По преданию, идущему от князя С.М. Голицына, Павел I поручил разобрать бумаги Екатерины II великому князю Александру Павловичу, князю Александру Борисовичу Куракину и, в чем рассказчик не был уверен, Ростопчину. Ф.П. Лубяновский приводит в своих воспо-

²⁶ На самом деле присутствовало и то и другое. Об этом мы расскажем далее в приложении к статье «Смерть Екатерины II и судьба графа А.Г. Орлова-Чесменского».

²⁷ Вспомним слова оттуда: «В самый день смерти матери Павел приказал графу Ростопчину запечатать и потом разобрать ее бумаги. Вместе с знаменитою запискою полуграмотного Алексея Орлова... Ростопчин нашел и эти мемуары».

минаниях рассказ самого Куракина, сообщившего, что Павел приказал ему разобрать кабинет императрицы. Участие А.Б. Куракина в этом деле не вызывает сомнения, так как Павел считал его «своим верным другом» и первое, что сделал он по вступлении на престол, вызвал к себе князя Александра Борисовича¹³⁴.

Если КР действительно был послан Екатерине Павловне, то упоминание в нем имени Александра I – несомненно хорошо продуманный ход. Согласно Комментарию, рассмотрение бумаг в кабинете Екатерины было поручено только двоим. Ростопчин мог и не знать, кто нашел ОРЗ и что делал в кабинете Александр Павлович, а детали мог и запамятовать. Упоминание же имени императора в КР придавало всему тексту достоверность.

«В первый самый день найдено письмо графа Алексея Орлова и принесено к императору Павлу; по прочтении им, возвращено графу Безбородке, и я имел его с четверть часа в руках».

Ростопчин почему-то прямо не говорит о том, кто нашел ОРЗ, кто отнес его Павлу I, кто и когда забирал назад. Из предыдущей фразы следует, что это могли сделать только два человека: Безбородко и Александр Павлович. Федор же Васильевич получил письмо Орлова от Безбородко и только на 15 минут после его прочтения Павлом. Если бы письмо нашел сам Ростопчин, то зачем писать, что оно было у него в руках столь малое время? Кроме того, необходимо сказать, что Федор Васильевич сам написал, что ОРЗ было списано через *пять дней* после смерти Екатерины II. Но не ясно, было ли письмо найдено 6, 9 или 11 ноября? Странно выглядит и то, что найдено было только ОРЗ. А где же были ОР1 и ОР2? Неужели Екатерина II хранила ОРЗ отдельно от других писем из Ропши? Зачем это было делать?

Заметим тут, что Екатерина II с первого же года своего царствования очень внимательно следила за хранением секретных документов. Так, 19 августа 1762 года ею был подписан указ, согласно которому вход в кладовую, где хранились секретные документы, разрешался только «в присутствии генерал и обер-прокурора или одного из сенаторов»¹³⁵. Ряд документов Екатерина снабжала собственноручной надписью: «Отдать в сенатскую архиву на сохранение, запечатавши и никому без нашего именного повеления не распечатывать»¹³⁶. В отношении соблюдения режима секретности весьма примечательно письмо Екатерины к вице-канцлеру князю А.М. Голицыну от 4 мая 1764 года: «...На примечание князя Долгорукова (Владимира Сергеевича, посла в Берлине. – *О. И.*), что будто у нас секрет в коллегии худо хранится, что я прежде всех сие приметила и неоднократно Никите Ивановичу (Панину. – *О. И.*) сказывала. Я же ныне так осторожна, что у меня в комнаты никому без изъятий знать не можно, где и когда бумаги читаю, и кой час прочтены, назад их посылаю; и тако редко три часа у меня бумаги бывают. Не знаю, каков секрет у Никиты Ивановича и у вас в коллегии, а у меня, право, крепко хранится, и я ни с кем о делах не говорю»¹³⁷.

Скорее можно поверить в то, что Ростопчин или совсем не знал о существовании ОР1 и ОР2 (что наиболее вероятно), или не хотел по каким-то соображениям упоминать о них. Кстати сказать, эти письма не упоминает и Дашкова. Сама процедура нахождения ОРЗ излагается в ее «Записках» иначе: письмо хранилось в шкатулке, которую вскрыл сам Павел I, а Безбородко только прочитал бумаги, в ней лежащие. Передавая эту версию Дашковой, Ростопчин слишком распространился в подробностях, чего никак не должен был делать в Комментарий, если собирался посылать его лицам, близко стоящим к упомянутым событиям.

Согласно рассказу князя С.М. Голицына, три лица, посланные Павлом I в кабинет умершей императрицы, нашли «между прочим дело о Петре III, перевязанное *черной ленточкой*, и завещание Екатерины, в котором она говорила о совершенном отстранении от престола великого князя Павла Петровича, вступлении на престол великого князя Александра Павловича, а до его совершеннолетия назначала регентшей великую княгиню Марию Федоровну» (курсив наш. – *О. И.*)¹³⁸.

По рассказу А.Б. Куракина, записанному Лубяновским, в бюро были «найжены две связки почтовой бумаги, перевязанные накрест *голубыми ленточками* за собственной маленькой печатью и с собственноручной надписью: *A mon fils Paul apres ta mort* (Моему сыну Павлу после моей смерти). Государь, удивленный, сорвал печати и с нетерпением пересматривал листы один за другим; на одном листе остановился и со слезами сказал: “Боже мой! Как я несчастлив! Узнаю это только теперь”, – оставил у себя эти бумаги» (курсив наш. – О. И.). Эти взаимно противоположные свидетельства – «голубые» и «черные» ленточки – весьма любопытны, но противоречат фактам. Из записок А.В. Храповицкого известно, что большинство документов Екатерины II хранилось в *пакетах*, которые секретарь императрицы сам и делал¹³⁹. Возможно, ответ на эту загадку дает цитированная выше «Запись о кончине высочайшей, могущественнейшей и славнейшей Государыни Екатерины II-й, императрицы российской в 1796 году», в которой говорится о том, что, после того как собственноручные бумаги Екатерины II были извлечены из всех ящичков и шкафов, они были «перевязаны лентами»¹⁴⁰.

Что было в упомянутых двух связках, точно не известно; Лубяновский предположил, что это были «Записки» Екатерины, и это, возможно, имеет основание. Однако несомненно, что князь Куракин рассказал далеко не все. Очень вероятно, что среди секретнейших бумаг Екатерины было найдено и «дело Петра III», или то, что мы называем *ропшинскими документами*¹⁴¹.

Косвенное подтверждение этого рассказа находится в предисловии к герценовскому изданию «Записок Екатерины II». Правда, там не говорится о А.Б. Куракине. Мемуары императрицы будто бы находит Ростопчин: «Они запечатаны были в пакете с надписью: “Его императорскому высочеству, великому князю Павлу Петровичу, моему любезнейшему сыну” – и состояли из самого текста и коротеньких отметок на клочках бумаги, на которых Екатерина означала отдельные случаи своего прошедшего, и, вероятно, потом составляла по ним рассказ свой: в таком виде подлинная рукопись хранится в Государственном архиве, в Петербурге».

Действительно, мемуары Екатерины II (так называемая IV редакция, которая легла в основу лондонского издания) хранились в указанном автором предисловия месте (теперь в РГАДА. Ф. 1. № 20). Однако, когда по высочайшему повелению 8 марта 1900 года рукопись «Записок» была предоставлена А.Н. Пыпину для подготовки к публикации, никакого конверта с упомянутой надписью Екатерины II найдено не было; в указанном деле нет и следов его. Подобный текст присутствовал, по словам Я. Барскова, «на обертке»²⁸ списка мемуаров, принадлежавшего А.Б. Куракину и попавшего в Рукописный отдел библиотеки в Зимнем дворце (в 1824 году его после смерти брата подарил императрице Марии Федоровне Алексей Борисович Куракин): «Memoires secretes de la vie de feuê l’Imperatrice Caterine II-de, ecrits par elle-même, et trouvés en manuscrit de sa propre main, dans son bureau d’usage apres sa mart, cachetes dans un Pacquet avec cette adresse de sa part» («Его императорскому высочеству, цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, любезному сыну моему»). Сам список был переплетен в сафьян с надписью: «Au prince Alexandre de Kourakin». На корешке же имелась надпись: «Memoires Secrets de la vie ed feuê l’Imperatrice Caterine II-de depuis 1729 anne de la naissance jusquen 1751».

Я.Л. Барсков, принявший на себя после смерти Пыпина издание «Записок» Екатерины, не обратил особого внимания на отсутствие в IV редакции рукописи весьма странного адреса. Он только поставил под сомнение утверждение автора предисловия герценовского издания «Записок», что их цель – «оправдаться в глазах сына и потомства». Барсков, на наш взгляд, справедливо отвергает это мнение, указывая, во-первых, на то, что две редакции «Записок» были посвящены графине Брюс и барону Черкасову, а во-вторых, что «этому предположению противоречит и общий тон «Записок»; императрица писала их с твердой уверенностью в себе,

²⁸ На самом деле в куракинской копии (в каждом из двух томов – 1-я и 2-я части «Записок» Екатерины II) на отдельных листах (как бы шмуцтитулах) сделаны две одинаковые записи, которые приводятся ниже. Подробно об этом речь идет в нашей работе «Из истории династического документа».

с гордым сознанием своего величия и своих заслуг перед Россией»¹⁴². Однако очевидного противоречия Я.Л. Барсков не стал разрешать, как не стал он вообще сверять текст куракинского списка с автографом IV редакции (им выявлены только разночтения с лондонским изданием «Записок»).

Ко всему сказанному добавим, что где-то в начале 90-х годов XVIII века Екатериной было написано завещание, названное Д.Н. Блудовым «странным». В одном из его абзацев сказано: «Вивлиофику мою со всеми манускриптами и что в моих бумагах найдется моей рукою писано, отдаю внуку моему, любезному Александру Павловичу, также резные мои камение, и благословляю его моим умом и сердцем»¹⁴³. Очень трудно представить, что Екатерина поменяла свое решение относительно важнейшей своей рукописи и не уничтожила при этом цитированное завещание. Остается только предположить, что автором упомянутого адреса является сам Александр Борисович Куракин. Причина, которая подвигла его к такому «подвигу», – желание примирить для потомства тех, кто в жизни так и не примирился.

ОРЗ и КР запутали многих. Например, редактор сборника «Переворот 1762 года» Г. Балицкий предположил, что Павел I не видел других писем Орлова из Ропши, ибо «из них он вынес бы совершенно другое впечатление: в них ярко сказывается *попустительство*, с каким Екатерина относилась к поступкам Орлова»¹⁴⁴. Мы же, напротив, полагаем, что Павел Петрович *так* относился к памяти матери, потому что *он знал ОР1 и ОР2 и не знал ОР3*.

Сообщая, что ОРЗ было у него в руках всего с четверть часа, Ростопчин совершенно определенно указывает на то, что не мог распоряжаться этим документом. Следовательно, копию ОРЗ он делал на свой страх и риск. Однако сам Федор Васильевич в записке «Последний день...» приводит слова, произнесенные о нем Павлом А.А. Безбородке: «Вот человек, от которого у меня нет ничего скрытного!» Несмотря на это, Ростопчин в спешном порядке изготавливает копию ОРЗ. Зачем? Неужели Ростопчин подозревал, что этот документ будет уничтожен? И почему он выбрал именно это письмо, а не другие документы?

Наконец, почему Федор Васильевич, зная подозрительный и вспыльчивый характер Павла, подвергал себя с первых же шагов нового царствования, сулившего ему очень много всякого добра, большой опасности, копируя тут же во дворце (а куда можно было уйти за 15 минут, да еще переписать письмо?) секретнейший документ, ему особо не порученный? А что, если бы Павел Петрович потребовал в это время его к себе? В одном из писем к С.Р. Воронцову (в 1793 году) Ростопчин рассказывал, как Павел, будучи еще великим князем, сделал выговор графине Шуваловой, «немного опоздавшей приходом». «Малейшее опоздание, малейшее противоречие выводит его из себя...» – пишет Ростопчин. В.Н. Головина в своих мемуарах подтверждает сказанное. «Опоздание на одну минуту, – пишет она, – часто наказывалось арестом». Да и сам Ростопчин в 1798 году прогневал Павла I, задержавшись на несколько минут¹⁴⁵.

Трудно поверить, чтобы ему было *так* дорого имя Екатерины II, чтобы ради него подвергаться *такой* опасности. Будучи весьма злопамятным, он, конечно, не забыл, что попал ко двору в качестве, как он сам признавался, «комедианта». Не забыл он и временной опалы (о ней ниже) – удаления от двора на год и, конечно, прозвища, данного ему Екатериной, – «сумасшедший Федька»¹⁴⁶.

Вместе с тем сомнительно, чтобы такой опытный царедворец, как А.А. Безбородко, дал ему секретнейший документ без разрешения императора, зная словоохотливость новоиспеченного генерал-адъютанта.

«Почерк известный мне гр. Орлова; бумаги лист серый и нечистый, а слог означает положение души сего злодея...»

Очень вероятно, что Ростопчин знал почерк А.Г. Орлова, но он, по-видимому, не знал, что свои донесения из Ропши Алексей Григорьевич писал, как говорилось выше, на качествен-

ной иностранной бумаге. Слова «серой и нечистой», несомненно, применены для усиления картины злодейства. О слоге пойдет речь ниже.

Необходимо сказать несколько слов о выражении «положение души сего злодея». Любопытно, что через четыре дня после знакомства с ОРЗ Федор Васильевич пишет упоминавшуюся уже записку «Последний день...» (повторяем, если верить дате), в которой нет и намек на «злодейство Орлова». Напротив, описывая сцену ночной присяги Алексея Григорьевича Павлу I, Ростопчин отмечает, что, «несмотря на трудное положение графа Орлова, я не приметил в нем ни малейшего движения трусости и подлости». Более того, когда сопровождавший Ростопчина Н.П. Архаров «не переставал говорить мерзости насчет графа Орлова», он якобы сказал: «Наше дело привести графа Орлова к присяге, а прочее предоставить Богу и государю». А когда перед этой поездкой Павел I сказал Ростопчину относительно А.Г. Орлова: «...Я не хочу, чтобы он забыл 28 июня», Ростопчин никак не прокомментировал эти слова, хотя якобы уже знал ОРЗ¹⁴⁷.

«...император Павел потребовал от него (А.А. Безбородко. – О. И.) вторично письмо графа Орлова, прочитав в присутствии его, бросил в камин...»

Для чего это было написано Ростопчиным, нам представляется ясным: нет документа и проверять нечего. Вместе с тем эта фраза может быть скрытым намеком на действительное уничтожение Павлом I каких-то важных документов. А.М. Тургенев в своих «Записках» писал: «Рассказывали, что лукавый малоросс Безбородко, немедленно по прибытии великого князя из Гатчины, поднес его высочеству вверенное хранению его духовное завещание (Екатерины II. – О. И.); великий князь, приняв от Безбородко духовную, изорвал и бросил в камин». Н.А. Саблуков, находившийся в те дни в карауле у дворца, замечает: «Император, как говорят, еще был занят разбором и уничтожением бумаг с графом Безбородкой»¹⁴⁸.

Несомненно, Павел Петрович боялся каких-то документов Екатерины II, которые могли помешать ему занять императорский престол. Поэтому он не только планировал опечатать кабинет матери в случае ее смерти, но и разумно предположил застраховаться от документов, которые могли быть переданы Екатериной для хранения в надежные руки. В цитированном выше его письме к Марии Федоровне от 4 января 1788 года Павел указывает: «Будь бы в каком-нибудь правительстве, или в руках частного какого человека остались мне неизвестные какие бы то ни было повеления, указы или распоряжения, в свет не изданные, оным до моего возвращения остаться не только без всякого и малейшего действия, но и в той же непроницаемой тайне, в какой по тот час сохранялись. Со всем же тем, кто отважится нарушить или подаст на себя справедливое подозрение в готовности преступить сию волю мою, имеешь поступить по обстоятельствам, как с сущим или как с подозреваемым государственным злодеем, предоставляя конечное судьбы его решение самому мне по моем возвращении...»¹⁴⁹

В тайное уничтожение каких-то важных династических документов Павлом можно поверить тем более, что мы знаем, что он повелел во всей России уничтожить манифест от 6 июля 1762 года, который собирался в течение *трех лет* по всей стране, как в государственных учреждениях, так и у частных лиц.

Примечательно то, как Ф.В. Ростопчин описывает действия Павла: он сначала прочитал ОРЗ, потом, подумав, уничтожил, а затем об этом «чрезмерно соболезновал». Не случайно Федор Васильевич в одном из писем говорил о «умоповреждении и сумасшествии» Павла. Если Павел I «чрезвычайно соболезновал» об ОРЗ, то почему Ростопчин не повинился перед ним и не отдал хотя бы свою копию? А если не ему, то почему не вручил в дни коронавания Александру Павловичу, провозгласившему возвращение к духу правления Екатерины?

Критика третьего письма Орлова

Даже взгляду непрофессионала видны существенные различия в синтаксисе первых двух писем и ОРЗ. Для подлинных двух писем характерны союзы «и», «а», «что», «чтобы», которые в меньшей мере или совершенно отсутствуют в третьем письме. В последнем же, напротив, пять раз применяется противительный союз «но», ни разу не употребляемый в первых двух; то же относится и к союзу «как». Доктор филологических наук, профессор Л.И. Скворцов, к которому мы обратились за консультацией, подтвердил нашу догадку относительно стилистического различия упомянутых документов²⁹. Вместе с тем он указал нам на важнейшее отличие ОР1 и ОР2 от ОРЗ: в подлинных письмах А.Г. Орлов обращался к Екатерине II на *вы*, а в ОРЗ – обращение на *ты*. Просмотрев все известные нам письма А.Г. Орлова к императрице, ни в одном из них мы не обнаружили обращения к ней на *ты*. Статс-секретарь Екатерины II – А.М. Грибовский особо отмечал, что только князь Г.А. Потемкин в письмах обращался к императрице на *ты*¹⁵⁰. Правда, сторонники подлинности ОРЗ могут сказать, что оно является не точной копией, а пересказом по памяти. Эту точку зрения в «Лекциях по русской истории» высказал С.Ф. Платонов¹⁵¹. Однако под ОРЗ в воронцовском списке совершенно ясно сказано: «Списано...»

Теперь рассмотрим подробно содержание ОРЗ.

«Как мне изъяснить, описать, что случилось...»

Читаешь эту фразу, и сразу возникает очень важный вопрос: почему А.Г. Орлов, человек, как уже говорилось, умный, расчетливый³⁰, доверил бумаге историю совершенного под его присмотром преступления, создав таким образом против себя, князя Ф. Барятинского и других офицеров обвинительный документ?³¹ Если это событие планировалось, то почему не был использован какой-либо условный знак или шифр? Несмотря на все предосторожности, письмо, столь важное, могло, пусть с малой степенью вероятности, попасть в чужие руки³².

Одно дело в очень нелестных выражениях писать о болезни бывшего императора и даже желать ему смерти, а другое – с драматическими подробностями, передавая свои переживания и детали преступления, писать об убийстве. Почему, если не предусмотрели шифра, не написать просто, что Петр Федорович умер от болезни? Первое и второе письма как бы подготавливали основания для подобного исхода: нарастающая тяжелая болезнь. При личной же встрече объяснить императрице, как все было. ОРЗ ставило Екатерину II в очень неудобное положение: преступники сами называли себя, значит, требовалось принять меры против них. Екатерина II не пошла на это, и появился манифест от 7 июля, извещавший о естественной смерти Петра Федоровича. Если Екатерину II обвиняют в вырванной из второго письма подписи, то ОРЗ она должна была бы сразу уничтожить, и не столько для покрытия Орлова и Барятинского, сколько для сохранения своего доброго имени.

²⁹ В приложении приводятся результаты соответствующей экспертизы ОР1, ОР2 и ОРЗ, опубликованные в журнале «Наука в России» № 3 за 2002 год.

³⁰ Товарищи А.Г. Орлова по перевороту, а затем его противники называли его очень хитрым (об этом пойдет речь в следующем очерке).

³¹ Как-то, правда значительно позднее, А.Г. Орлов-Чесменский давал своему приятелю следующую рекомендацию: «Буде ты войдешь с ним в переписку, должно велику осторожность иметь и на бумаге, чтоб не шатко не валко было, да не к чему бы было и прицепок делать» (Орлов-Чесменский А.Г. Архив села Михайловского. Ч. 1. С. 7–8).

³² Подобный случай произошел в конце 1762 года с письмом Ст.-А. Понятовского, когда подвергся нападению везший его курьер. «Последний курьер, – писала Екатерина II к Понятовскому, – везший ваше письмо к Брейтелю, едва не лишился жизни от рук грабителей и было бы очень мило, если бы мой пакет был вскрыт и доложен по министерству» (Екатерина II. Записки. 1907. С. 580).

К сожалению, точно не известно, как Екатерина II получила известие о смерти Петра Федоровича. В упоминавшемся манифесте от 7 июля об этом говорится неопределенно: «Вчерашнего вечера получили Мы другое (известие. – *О. И.*), что он волею Всевышнего Бога скончался». Рюльер и Кастера утверждали, что сообщение о смерти Екатерине привез сам А.Г. Орлов. О том же писал и Гельбиг. Согласно А. Шумахеру, первым узнавшим о смерти Петра Федоровича был Панин, которому об этом утром 4 июля сообщил приехавший из Ропши Ф. Барятинский. В «Записках» В.Н. Головиной со слов самого Н.И. Панина рассказывается, что о смерти бывшего императора сообщил Екатерине II Г.Г. Орлов и что Панин присутствовал при этом¹⁵².

Любопытно, что никто из перечисленных лиц не говорит о *письме*. Логично предположить, что с известием о смерти должен был бы приехать сам Орлов³³. Но то, что логично, не обязательно происходит в действительности. А вдруг в это время Орлов отлучился? Или, быть может, он действительно послал какую-то записку, сочтя, что его приезд может вызвать преждевременные разговоры и толки и не позволит Екатерине сориентироваться в сложившейся ситуации. Перебираешь все эти возможные версии и вспоминаешь слова императрицы о нечитанной ею книге Рюльера: «Трудно Рюльеру знать, каковы вещи на самом деле»¹⁵³.

«Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на государя!»

Подобный текст А.Г. Орлов написать просто не мог. Во-первых, он, вероятно, знал, что 29 июня Петр Федорович отрекся от престола. Во-вторых, и в ОР1, и в ОР2 он давал бывшему императору очень нелестные определения (урод, злодей). В-третьих, эта фраза совершенно недвусмысленно направлена против Екатерины, отнявшей престол, свободу, а косвенно и жизнь у своего мужа. Надо было быть очень сильно пьяным, чтобы написать такое, да еще надеяться на помилование.

«Мы были пьяны, и он тоже. Он заспорил за столом с князем Федором: не успели мы разнять, а его уже и не стало».

Повторяем, очень сомнительно, чтобы А.Г. Орлов в такое ответственное время пил сам и позволял пить другим. Хотя нельзя совершенно исключить, что для усыпления бдительности Петра Федоровича, естественно догадывавшегося, что ему грозит, была устроена пирушка. Но чтобы все были пьяны, в это поверить нельзя. Не менее сомнительно, чтобы Петр Федорович, умиравший, согласно ОР2, вдруг не только ожил, но за обедом или за картами – «за столом» – «схватился» с Барятинским. Зачем А.Г. Орлову было нужно так изменять вполне оправдывающую всех концепцию? Не совпадал текст ОР3 и с версией болезни и смерти Петра Федоровича, изложенной Екатериной II в письме к Ст.-А. Понятовскому от 2 августа 1762 года.

В ОР3 утверждается, что Петра Федоровича убил Ф. Барятинский. Если убийство планировалось Орловым и на кого-то пал жребий (или даже князь Федор вызвался добровольно его совершить), то, несомненно, подобное действие могло произойти при условии сохранения имени его исполнителя в глубокой тайне. Да и в случае непреднамеренного убийства Орлов вряд ли доверил бы бумаге имя убийцы, оставив эту информацию для личного доклада. Правда, если Барятинский действовал от имени противной партии и А. Орлов узнал об этом, то он, возможно, мог назвать имя убийцы Петра Федоровича.

Все сказанное не снимает вины с Ф.С. Барятинского. Екатерина II еще не умерла, а Павел удалил его от двора. Возможно, сказались какие-то старые противоречия, но, скорее всего, Павел и до воцарения считал Барятинского участником убийства Петра Федоровича. Ростоп-

³³ Рюльер писал: «Вдруг является тот самый Орлов – растрепанный, в поте и пыли, в изорванном платье, с беспокойным лицом, исполненным ужаса и торопливости. Войдя в комнату, сверкающие и быстрые глаза его искали императрицу. Не говоря ни слова, она встала, пошла в кабинет, куда и он последовал; через несколько минут она позвала к себе графа Панина, который был уже наименован ею министром. Она известила его, что государь умер, и советовалась с ним, каким образом опубликовать о его смерти народу...» (*Рюльер К.* Переворот 1762 года. С. 68–69).

чин в письме к С.Р. Воронцову от 27 июля 1793 года сообщал, что Павел Петрович велел сказать гофмаршалу князю Барятинскому, «чтобы он помнил, чем был...»¹⁵⁴. Любопытно, что Е.Р. Дашкова ни слова не говорит о нем как участнике убийства Петра III.

Странно, что составитель ОРЗ не упомянул имя и другого подвергнутого опале при Павле I участника ропшинского караула – П.Б. Пассека¹⁵⁵. О нем речь пойдет в части, посвященной судьбам основных участников событий в Ропше.

«Сами не помним, что делали, но все до единого достойны казни».

Как не помнили, что делали? Ведь только что написано: хотели разнять. И почему виноваты все, коль скоро уже назван Барятинский? Действительно, подобный текст мог написать только сильно пьяный, или страшно напуганный человек, или, наконец, тот, кто хотел создать соответствующий деянию образ.

«Помилуй меня хоть для брата».

Очень сомнительно, чтобы А.Г. Орлов упомянул в подобном неприятном документе имя брата. Во-первых, собственные заслуги Алексея Григорьевича в перевороте были очень велики, и он прекрасно понимал это. Одно то, что ему был доверен бывший император, говорит о многом. К чему же тогда припутывать к этому преступному делу имя брата, которого А.Г. Орлов очень любил? Екатерина II нисколько не преувеличивала, когда в письме к Понятовскому говорила об Орловых, что они «друзья, какими никогда еще не бывали никакие братья»¹⁵⁶. Во-вторых, это маленькое предложение указывало и на грех Екатерины – связь с Григорием Орловым. В-третьих, что вынужден был признать сам Ростопчин, А.Г. Орлов не был ни трусом, ни жалким человеком.

Тем, кто принимает истинность ОРЗ, необходимо не только опровергнуть наиболее существенные из приводимых тут аргументов, но, более того, найти надежные документальные доказательства существования этого письма.

Автор третьего письма Орлова

Естественно, возникает вопрос: мог Ф.В. Ростопчин изготовить подобный «документ»? Как показывают факты – несомненно, мог. Литературный талант Федора Васильевича общеизвестен³⁴. Что касается нравственных преград, то и они не были для Ростопчина непреодолимыми.

Приведем здесь в качестве доказательства последнего рассказ человека, симпатизировавшего Федору Васильевичу, – князя П.А. Вяземского, услышанный им от Н.М. Карамзина. Завязка этой истории состоит в том, что петербургский почт-директор и президент Главного почтового правления И.Б. Пестель стал пользоваться особым благоволением Павла I. Это не понравилось Ростопчину. Он написал подметное письмо от имени неизвестного, который уведомлял приятеля своего за границей о заговоре против императора и рассказывал разные подробности по этому предмету. В заключение он заявляет: «Не удивляйся, что пишу вам по почте, наш почт-директор с нами». Ростопчин приказал отдать письмо на почту, но так, что письмо должно было непременно возбудить внимание почтового начальства и быть передано главному управляющему для перлюстрации.

Граф Ростопчин построил интригу удивительно тонко: он хорошо знал характер императора Павла, а также знал, что об этом известно и Пестелю, который не решился бы показать письмо императору, поскольку тот по мнительности и вспыльчивости своей не стал бы порядно исследовать достоверность этого письма, а тут же уволил бы и даже сослал почт-директора. Через несколько дней, видя, что Пестель утаивает письмо, Ростопчин доложил импе-

---

³⁴ Балаганный стиль его знаменитых афишек 1812 года весьма напоминает стиль и дух ОРЗ.

ратору о ходе дела, объяснив при этом, что единственным побуждением его было испытать верность Пестеля и что сам он повергает повинную голову пред его величеством. Павел поблагодарил Ростопчина за усердие к нему, и участь Пестеля была решена: он был уволен от занимаемого им места. Но не довольствующийся этим Ростопчин захотел еще подшутить над своей жертвой. До сообщения Пестелю именного повеления он пригласил его на обед. Тот, польщенный вниманием, явился; хозяин встретил его с особенными вежливостью и лаской. Пестель думал, что Ростопчин начинает опасаться его влияния у Павла I и хочет его задобрить. Он намекал на свои виды в будущем, а возвратившись домой, нашел официальную бумагу о своей отставке¹⁵⁷.

Это был не единственный случай применения Ростопчиным сомнительных писем. Так, в конфликте с Н.П. Паниным Федор Васильевич использовал подобное письмо, чтобы добить своего уже удаленного от двора и сосланного в Москву врага. Когда подлог раскрылся, Павел I воскликнул: «Ростопчин – настоящее чудовище! Он хочет сделать меня орудием своей личной мести; так пусть же последствия ее падут на него самого!» Федор Васильевич был уволен ото всех своих должностей и отослан в свое подмосковное имение¹⁵⁸. А.А. Кизеветтер, характеризуя темную сторону личности Ростопчина, писал: «Мы знаем немало фактов, показывающих, что эти интриги нередко приобретали характер настоящей жестокости по отношению к людям, которые почему-либо становились Ростопчину поперек жизненной дороги, причем эта жестокость выражалась в большинстве случаев не в открытых действиях, а в разного рода ухищренных подкопах из-за прикровенной засады»¹⁵⁹.

Подобное поведение определялось как природными свойствами Ф.В. Ростопчина, так и условиями его службы. Кажется, глубже всех в суть его характера проник П.А. Вяземский. Он писал: «Ростопчин был темперамента нервного, раздражительного, желчного... Уже в молодости пробивалось презрение его к людям. Чем дальше углублялся он в жизнь и в сообщество или, скорее, в столкновение с людьми, тем более росло во всеоружии своем и резче выражалось это прискорбное и, можно сказать, болезненное свойство». При этом Вяземский подчеркивал, что Федор Васильевич не просто не любил людей, а отыскивал в людях пороки, поэтому он не мог жить без общества: «...Ему нужно, необходимо было сообщество людей, может быть, как хирургу-оператору нужна клиника... Уединение, отшельничество не могли ладить с натурой его; он любил быть действующим лицом на живой и светской сцене...»¹⁶⁰

Все сказанное выше, думаю, позволяет лучше понять причины появления ОРЗ, хотя они не так просты и очевидны. Как мы пытались показать, основной причиной явилось желание Ростопчина войти в доверие к Александру I. Это Федору Васильевичу отчасти удалось сделать. Появление ОРЗ можно было бы объяснить попыткой защитить доброе имя Екатерины II. Но одновременно с внешним, сомнительным оправданием в ОРЗ присутствуют несколько неприятных намеков на грехи императрицы.

Трудно сейчас сказать, как возникло это письмо. Нельзя исключить того, что Ростопчин видел ОР2, но, забыв его точный текст (только помня настроение письма), решил воссоздать по памяти, дополнив своими сведениями. Возможно, ОРЗ появилось под действием разговоров с Дашковой, так сказать на лету, по ходу очередного устного рассказа. «Он был, – пишет о Федоре Васильевиче П.А. Вяземский, – довольно искренен³⁵ и распахист в воспоминаниях и рассказах своих. То отчеканивая на лету живые страницы минувшего, то рассыпая легкие, но бойкие заметки на людей и дела текущего дня»¹⁶¹. Но на лету можно легко вылететь за границы истины. «Мое перо, – писал Ростопчин в 1797 году С.Р. Воронцову, – похоже на тех

³⁵ В этом отношении стоит вспомнить характеристику, данную Ростопчину С.П. Жихаревым. «Я заслушался гр. Ростопчина, – пишет он, – что это за увлекательный образ изъяснения – анекдот за анекдотом; одной чертой так и обрисует человека, и между тем о своей личности ни слова» (*Жихарев С.П. Записки современника*. Т. 1. Л., 1989. С. 56).

лошадей, которые, закусив удила, мчатся вперед, готовые сломать себе шею»¹⁶². Шею себе в данном случае граф Федор Васильевич не сломал, а, напротив, с большой пользой использовал свою выдумку. Нам так и кажется, что, оформляя устный рассказ о письме А.Г. Орлова, он повторил: «*Si cela n'est vrai, il est bien trouvé*»³⁶.

Устный рассказ об ОРЗ был более мягким, чем его письменный вариант. В последнем уже нет упоминания о радости Павла I по поводу оправдания матери. Напротив, в нем говорится об уничтожении свидетельства ее невинности – это ли не преступление?! Причем Павел I, как уже говорилось выше, уничтожает письмо Орлова не сразу, как бы после раздумий, а затем жалеет об этом. Это ли не характерный пример неразумности покойного императора, в числе подобных же действий которого Ростопчин видел и свою отставку и высылку.

В тексте ОРЗ упомянуто имя Бярятинского. Случайно ли это? Полагаем, что и здесь присутствует тайная стрела. Внешне упоминание имени князя Федора ни у кого не могло вызывать никакого сомнения: более того, оно придавало достоверность письму. Было хорошо известно, как Павел относился к Бярятинскому и до смерти Екатерины II, и после, выслав его под надзор полиции в деревню (об этом подробно ниже). Иностранцы называли его одним из главных участников убийства Петра Федоровича. Однако у Ростопчина имелись свои основания не любить эту фамилию.

Будучи камер-юнкером у великого князя Павла Петровича, Ростопчин повздорил с коллегами, которые с неохотой относились к исполнению своих обязанностей при дворе наследника и часто не являлись туда. Ростопчину, который также не любил Павла Петровича, но из-за своих склонностей к карьере был более пунктуален и, таким образом, принужден исполнять работу других, это очень не нравилось. Он написал жалобу на коллег камер-юнкеров, в которой назвал их негодяями и допустил другие оскорбления. Жалоба стала известна в обществе. Сослуживцы Ростопчина потребовали извинений, а не получив их, вызвали обидчика на дуэль. Федор Васильевич в письме к С.Р. Воронцову утверждал, что явилось всего двое (Шувалов и Голицын), которые не стали с ним драться. Однако в городе поползли слухи, что Ростопчин сам испугался дуэли и даже просил прощения на коленях. Последнее обстоятельство трудно проверить. Известно, что под угрозой поединка Федор Васильевич позднее был вынужден отказаться от авторства письма, в котором он оскорбительно отзывался о Н.П. Панине (кстати сказать, прекрасном стрелке). Так вот, среди бездельников камер-юнкеров был И.И. Бярятинский, племянник князя Федора Сергеевича. Любопытно, что Ростопчин не упоминает его имени в письме к Воронцову. К. Массон утверждает, что Екатерина II, узнав о письме Ростопчина и грозящих из-за него дуэлях, отправила И.И. Бярятинского в армию, а Ростопчина на год удалила от двора. Федор Васильевич такого, конечно, не забыл¹⁶³.

Больше всего в ОРЗ и КР достается А.Г. Орлову: он изображен трусливым, жалким, пьяным злодеем (правда, что любопытно, не непосредственным убийцей Петра Федоровича). Почему Ростопчин в данном случае не пожалел черных красок? Что плохого ему сделал Орлов? Непосредственно, насколько нам известно, ничего. Но вот косвенно...

Существует несколько причин, почему Федор Васильевич мог невзлюбить А.Г. Орлова³⁷. Возможно, это отношение началось с конфликта Федора Васильевича с Н.П. Паниным, который был женат на дочери В.Г. Орлова – Софье. В 1801 году, после смерти Павла I, благодаря стараниям Панина А.Г. Орлов-Чесменский по приказу императора Александра I был вызван из заграничной ссылки в Петербург¹⁶⁴. Полагаем, что это стало быстро известно Ростопчину, не такому «злодею», как Орлов, однако, несмотря на все его достоинства и добродетели, правительством не приглашенному.

³⁶ Если это и не правда, то хорошо придумано (*фр.*).

³⁷ Нам неизвестны отрицательные отзывы графа Алексея Григорьевича о Ростопчине.

В 1802 году Федор Васильевич устраивает в своем селе Воронове конный завод и начинает заниматься разведением верховых лошадей. Другой завод он организует в Воронежской губернии на реке Битюг³⁸. Получив на первых порах неплохие результаты, Ростопчин возомнил себя знатоком. Так, в письме к П.Д. Цицианову он замечает: «Забыл было сказать, что первый привод моих лошадей с Битюцкого завода чрезвычайный, и я очень рад, что последовал своей мысли, несмотря на доказательства Орлова и проч., и теперь вижу, что верить не всему надобно». Однако селекционная работа, начатая А.Г. Орловым на четверть века раньше, судя по заключениям специалистов, была весьма эффективной и продуманной. Не случайно орловские лошади на скачках в Москве обскакивали многих. Зная характер Ростопчина, можно предположить, что это ему было не особенно приятно¹⁶⁵.

В 1803 году Федора Васильевича постигло новое разочарование. В ноябре этого года он направил в Англию С.Р. Воронцову письмо, в котором просил прислать ему несколько английских овец и баранов. Ростопчин знал о строгом наказании (вплоть до смертной казни), грозящем тому, кто попытался бы вывезти этих животных за пределы страны. Однако он ссылаясь на то, что незаконные продажи все-таки происходят. «Если вы захотите оказать мне эту услугу, – писал Федор Васильевич, – почту ее за одну из самых значительных и за истинное благодеяние для нашей родины». Эта просьба не была выполнена, и переписка Ростопчина с Воронцовым прервалась на десять лет. В то же время Федор Васильевич хорошо знал, что Воронцов помогал А.Г. Орлову покупать английских скакунов для его заводов¹⁶⁶. Это было неприятно.

Неприятно Ростопчину, возможно, было и то, что С.Р. Воронцов и Орлов-Чесменский находились в приятельских отношениях, хотя в 1762 году они стояли по разные стороны баррикад. ОРЗ служило своеобразным напоминанием Воронцову, кто был его приятель – А.Г. Орлов. Правда, между ними были не только приятельские отношения: родственница Орловых, Екатерина Алексеевна Сенявина, стала женой Семена Романовича, которую он так сильно любил, что после ее смерти больше не женился¹⁶⁷.

Не мог Федор Васильевич спокойно смотреть пусть на внешнее, но примирение двух в прошлом заклятых врагов: княгини Е.Р. Дашковой и графа А.Г. Орлова-Чесменского. Как могла Екатерина Романовна посетить его «Майское» на Большой Калужской? Как могла она, характеризовавшая А.Г. Орлова в разговоре с Дидро как «одного из величайших мерзавцев на земле», пить за его здоровье и даже пройтись с ним в полонезе? Конечно, Дашкова и Орлов не могли стать друзьями, но примирение было возможно. В письме лорду Гленберви Марта Брэдфорд рассказывала: «Когда Орлов приехал, княгиня, встретив его и дав поцеловать руку, сказала: “Так много утекло времени, граф; мир, в котором мы жили, так переменялся, что настоящая наша встреча походит скорее на свидание на страшном суде, чем на возобновление знакомства; и этот кроткий ангел (причем она поцеловала молодую Орлову), соединяющий нас в эту минуту, дополняет нашу мечту”. С этого времени Орлов пользовался всяким благоприятным случаем, какой только представлялся его дочери, чтобы находиться в обществе княгини. Услышав, что княгиня рекомендовала мне его балы, по которым можно было составить лучшее понятие о народных увеселениях, он попросил ее назначить время. И он дал великолепный праздник»¹⁶⁸. Екатерина Романовна не могла, пусть на самое краткое мгновение, не потеплеть, видя на груди у Алексея Григорьевича портрет их общего божества – Екатерины II.

Выдумкой ОРЗ Ростопчин, полагаю, стремился вернуть старую вражду двух выдающихся деятелей екатерининского века, разрушая легкие мосты примирения между этими людьми. Ни в дневнике, ни в письмах М. Вильмот не находим мы, как Дашкова прореагировала на смерть А.Г. Орлова-Чесменского, на страдания «кроткого ангела» – Анны Алексеевны. И возможно,

³⁸ Примечательно, что оба графа были соседями. Сохранилось письмо Орлова-Чесменского к своему управляющему от 31 марта 1800 года, в котором граф Алексей Григорьевич пишет «о промене земли с графом Ростопчиным» (ОР РГБ. Ф. 219. Карг. 58. № 3. Л. 1).

за этим молчанием стоит не столько черствость княгини, сколько умело возвращенная ее давняя, но с годами утихшая ненависть к Алексею Орлову.

Ростопчину было, наверно, неприятно узнать, что А.Г. Орлов-Чесменский в 1806 году был назначен командующим милицией области, в значительной степени сформированной на средства его и дочери, за что он был удостоен благосклонного рескрипта Александра I и ордена Святого Владимира I степени¹⁶⁹.

Не думаю, что особенно приятны были Ф.В. Ростопчину известия о том, что брат его лондонского приятеля, А.Р. Воронцов, считал наилучшей партией для сына Семена Романовича, Михаила, А.А. Орлову-Чесменскую¹⁷⁰. В книге С.Д. Шереметева «Алехан» рассказано, какие сплетни распространял Ростопчин в связи с возможным браком дочери графа Алексея Григорьевича¹⁷¹.

Наконец, сам граф Орлов – мужественный человек, силач, умница, хлебосол, благотворитель, истинно русский человек, несомненно, затмевал Ростопчина, постоянно говорившего о своей русскости и критиковавшего склонность к иностранному. «Самое худое то, – писал Федор Васильевич в августе 1803 года С.Р. Воронцову, – что мы перестали быть русскими, купив знание иностранных языков ценою дедовских нравов»¹⁷². Но слишком яркого представителя «дедовских нравов» он также не мог вынести.

Приложения

Приложение I

Письма Петра Федоровича

Письма Петра Федоровича, находящиеся в составе ропшинских документов, содержат не меньше тайн и загадок, чем и письма А.Г. Орлова. Впервые эти документы, как говорилось выше, увидели свет в XII томе академического издания сочинений Екатерины II в 1907 году¹⁷³. Никаким особым комментарием (палеографическим или историческим) письма Петра Федоровича не сопровождалось, да и помещены они были (как и письма А.Г. Орлова) в примечаниях. Речь идет о трех письмах Петра III к Екатерине (для удобства обозначим их: ПФ1, ПФ2, ПФ3) и написанном его же рукой списке вещей: платья, белья и орденов (СВ)¹⁷⁴. Как уже говорилось в упомянутом очерке, в 1908 году в сборнике «Переворот 1762 года» были приведены почти все ропшинские документы (без СВ), скорее всего перепечатанные из XII тома сочинений Екатерины II. В 1911 году в № 5 «Русского архива» П.И. Бартенев напечатал эти документы (снова без СВ) по копиям историка Н.К. Шильдера. Судя по этой публикации, он сам не видел подлинных документов, так как в его списках содержались искажения. Кроме того, Н.К. Шильдер, как мы полагаем, совершенно произвольно датировал письма Петра Федоровича. Для нас остается загадкой, почему такой знаток, как Бартенев, поместил в своем журнале копии (некоторые из них были с ошибками), когда были уже опубликованы подлинники. Сам Бартенев приветствовал в «Русском архиве» издание «Записок Екатерины II»³⁹. Можно только предположить, что Петру Ивановичу очень не понравилось это издание (с купюрами и плохим комментарием Я. Барскова, не сумевшего заменить умершего А.Н. Пыпина, которого Бартенев очень ценил⁴⁰).

До издания писем Петра Федоровича к Екатерине II большинство исследователей считали, что было всего два его письма (точное содержание их не известно), одно из которых привез вице-канцлер князь А.М. Голицын, а другое генерал М.Л. Измайлов (о них мы подробно поговорим ниже)¹⁷⁵. После публикации подлинников (не имевших дат) в 12-м томе Собрания сочинений Екатерины II перед исследователями встала задача выяснения отношения их к упомянутым двум письмам. Первым эту задачу попытался разрешить Н.К. Шильдер, но, на наш взгляд, не совсем удачно. Не вспомнил он (или не знал) об очень важном документе – СВ. А самое главное – он не видел подлинных документов, не знал об их палеографических и текстологических особенностях.

Нам представляется важным исследовать следующие вопросы:

1. В каком порядке писались подлинные письма Петра Федоровича?
2. Где они писались?
3. Их отношение к СВ.

---

³⁹ новлению об их напечатании мартом 1907 года. В конце своей заметки Бартенев пишет: «Нельзя не пожелать, чтобы Записки великой государыни были изданы в подлиннике, и в подобающем им виде» – и ничего не говорит о том, что в появившемся академическом издании были купюры и почти полностью отсутствовал требуемый им исторический комментарий.

⁴⁰ Говоря об авторстве «Антидота», Бартенев замечает: «Ныне А.Н. Пыпин неопровержимо доказал, что написала его Екатерина. Честь ему и слава за его прекрасный труд. Некогда президент Академии наук граф В.Н. Панин заявлял, что он выйдет в отставку, если академики выберут этого ученого в свои сочлены. Прошли года, и он доказал, что вполне достоин академического кресла. Пожелаем ему полного успеха в настоящей работе, которая, конечно, продлится на целый ряд новых томов».

4. Отношение писем Петра Федоровича к письмам А.Г. Орлова.
5. Их отношение к упомянутым двум письмам, доставленным Голицыным и Измайловым.

Начнем с выяснения вопроса о содержании двух последних писем.

Предание о двух письмах Петра Федоровича

Впервые эти письма упомянуты в так называемом «Обстоятельном манифесте», появившемся 6 июля 1762 года. Там от имени Екатерины II говорилось: «Но не успели только мы выступить из города, как он (Петр Федорович. – *О. И.*) два письма одно за другим к нам прислал; первое чрез вице-канцлера нашего князя Голицина, в котором просил, чтоб мы его отпустили в отечество его Голстинию, а другое чрез генерала майора Михаила Измайлова, в котором сам добровольно вызвался, что он от короны отрицается и царствовать в России более не желает, где при том упрашивает нас, чтоб мы его отпустили с Лизабетою Воронцовою да с Гудовичем также в Голстинию». По словам Екатерины II, оба письма, «как то, так и другое письмо, наполненные ласкательствами»¹⁷⁶. Сразу необходимо заметить, что сообщение о двух письмах, а также об их приносителях, по-видимому, следует признать вполне достоверными, обстоятельства были так свежи, а участники находились рядом, что искажение истины в данном случае было невозможно. Правдоподобно, кажется, и то, что письма последовали «одно за другим». Однако этого нельзя сказать о содержании рассматриваемых писем, которое ни Голицын, ни Измайлов, возможно, не знали. Итак, согласно первому письму, Петр Федорович просил, чтобы его отпустили в Голштинию, а согласно второму – он отказывался от российской короны и упрашивал Екатерину, чтобы с ним позволили уехать в Голштинию Елизавете Воронцовой и его адъютанту А.В. Гудовичу. Вот, так сказать, официальная версия.

Весьма примечательные подробности сообщила об этих письмах Екатерина II в справке для Сената от 29 июня 1762 года: «... Уведомление о нашем к нему приближении столь много отвагу его поразило, что убежище он немедленно возымел к раскаянию, почему, и прислал к нам два письма, первое чрез вице-канцлера князя Голицына *на французском языке*, в коем просил помилования, а другое чрез генерал-майора Михаила Львовича Измайлова *своеручное ж, писанные карандашом*, что была б только жизнь его спасена, а он ничего столько не желает, как совершенно на век свой отказаться от скипетра Российского и нам оный со всяким усердием и радостью оставить готов торжественным во весь свет признанием...» (курсив наш. – *О. И.*)¹⁷⁷. Итак, мы получаем тут не только содержательные, но и палеографические подробности. Оказывается, оба письма были написаны *карандашом*; правда, остается неопределенным, на каком языке Петр Федорович писал второе письмо. По-другому тут излагается и содержание писем: в первом Петр Федорович будто бы «просит о помиловании», а во втором, прося сохранения ему жизни, предлагает не только отказаться от российского престола, но и подтвердить это «торжественным во весь свет признанием». О просьбе выпустить Воронцову и Гудовича тут нет ни слова (или Екатерина II по каким-то своим соображениям не решила сказать об этом сенаторам).

Наконец, тема упомянутых писем возникает в известном письме Екатерины II к Ст.-А. Понятовскому от 2 августа 1762 года. Правда, сказано о них очень кратко: «Я выступила таким образом во главе войск, и мы всю ночь шли в Петергоф. Когда мы подошли к небольшому монастырю на этой дороге, является вице-канцлер Голицын *с очень льстивым письмом* от Петра III... За первым письмом пришло второе, доставленное генералом Михаилом Измайловым, который бросился к моим ногам и сказал мне: “Считаете ли вы меня за честного человека?” Я ему сказала, что да. “Ну так, – сказал он, – приятно быть заодно с умными людьми. Император предлагает отречься. Я вам доставлю его *после его совершенно добровольного отречения..*”»

(курсив наш. – О. ГГ.)¹⁷⁸. В этом варианте Измайлов знает об основном содержании письма – предложении Петра Федоровича отречься.

Примечательно, что Екатерина II вернулась к этой теме в отдельной небольшой записке, для которой она, по-видимому, использовала свое письмо Понятовскому, несколько его расширив. Императрица пишет: «Шли всю ночь и под утро прибыли к небольшому монастырю – в двух верстах от Петергофа, куда князь Голицын, вице-канцлер, доставил императрице письмо от бывшего императора, а немного погодя генерал Измайлов – с таким же поручением». Потом она прибавляет, что после неудачной поездки в Кронштадт Петр Федорович вернулся в Ораниенбаум, «где он лег спать и на следующий день написал эти два вышеупомянутые письма: в первом из них он просил, чтобы ему позволили вернуться в Голштинию со своей любовницей и фаворитами, а во втором – он предлагал отказаться от империи, прося лишь о [сохранении ему] жизни»¹⁷⁹. Тут просьба о разрешении выезда с Петром Федоровичем Воронцовой и Гудовича переносится в первое письмо, а во втором он отказывается от империи, за сохранение ему жизни.

Возникает естественный вопрос: почему Екатерина дает различные варианты упомянутых писем? Неужели она не могла при написании последней записки воспользоваться подлинниками? Или ей было неприятно брать вновь эти документы после всего, что случилось? Остается сделать осторожное предположение, что среди ропшинских документов находится хоть одно из двух упомянутых писем (о чем пойдет разговор ниже).

Следует также предположить, что ряд писем Петра Федоровича был написан уже в Ропше. Так, в цитированном выше письме к Ст.-А. Понятовскому Екатерина II говорит: «Попросил он у меня, впрочем, только свою любовницу, собаку, негра и скрипку, но, боясь [произвести] скандал и усилить брожение среди людей, которые его караулили, я ему послала только три последние вещи»¹⁸⁰. Иностранцы добавляют в этот список еще «романы и немецкую Библию»¹⁸¹. Была ли это записка, или просьба передавалась устно – неизвестно. Но императрица откликнулась на нее цитированным выше письмом В.И. Суворову от 30 июня.

Обратимся теперь к воспоминаниям людей, которые близко стояли в то время к Екатерине II и могли знать кое-что об этих письмах: княгини Е.Р. Дашковой и графа Н.И. Панина. Дашкова сообщает, что Петр Федорович написал «два или три письма своей августейшей супруге. В одном из них в очень ясных и точных выражениях содержался отказ от права на корону. Петр III просил императрицу назначить для пребывания с ним *нескольких названных им человек*; не забыл он упомянуть перечень нужных ему припасов, и в первую очередь бургундское, трубки и табак» (курсив наш. – О. И.)¹⁸².

Читая этот текст, невольно задумываешься: к чему относится предложение, начинающееся словами «Петр III просил императрицу»? К другому письму или к тому, что содержало отречение? Видела ли сама Дашкова эти письма, читала ли их? Или она пересказывает то, что услышала от самой Екатерины, а может быть, и от других людей? По-видимому, гордость очень честолюбивой княгини, не желавшей точно сказать, что ее «подруга» не дала ей читать письма супруга, к сожалению, не позволила внести в этом деле полную ясность.

Что касается «очень ясных и точных выражений», то подобное заключение можно было сделать, прочитав «Обстоятельный манифест», как и узнать из него о том, что отречение было в форме письма. К чему это привело, можно лучше увидеть из другого перевода этого места в «Записках» Дашковой в издании Н.Д. Чечулина, появившемся в 1907 году (переизданном в 1985 году): «Он написал два или три письма своей августейшей супруге. Я упомяну только то из них, в котором он ясно и определенно формулировал свое отречение от престола. Затем, *указав несколько лиц, которых желал бы видеть около себя, он просил императрицу назначить их*

состоящими при нем и не забыл переименовать, какие припасы хотел бы иметь, между прочим бургундского вина, трубок и табаку»⁴¹ (курсив наш. – О. И.)¹⁸³.

Из этого перевода более наглядно следует, что, написав отречение, в *том же* письме Петр Федорович упомянул о лицах, которых он желал видеть около себя, а также припасы – вплоть до табака и трубок. Выходит как-то мелочно и глупо даже для умственного уровня свергнутого императора. Кажется, этого эффекта и стремилась достигнуть княгиня Дашкова, сообщившая к тому же (правда, оговариваясь в данном случае: «мне рассказывали»), что в Петергофе Петр Федорович пообедал с аппетитом и, как всегда, пил свое любимое бургундское. А вот Шумахер с других слов рассказывает, что свергнутый император попросил себе стакан вина, смешанного с водой, «и больше ничего не ел и не пил»¹⁸⁴. Если брать в арбитры Н.И. Панина, о воспоминаниях которого пойдет речь ниже, то скорее прав Шумахер.

Тут же возникает и другой вопрос: кого Петр Федорович просил «назначить для пребывания с ним» и где? Комментаторы издания 1987 года считают, что речь идет о докторе Людерсе, камердинере Тюмлере и «арапе» Нарциссе. Но может быть, в столь важном письме (с отречением) речь шла прежде всего о Елизавете Воронцовой и Гудовиче, которых желал видеть рядом с собой Петр Федорович, о чем и говорится в «Обстоятельном манифесте»?

Путая последовательность событий, вероятно, из-за того, что писала свои воспоминания через 40 лет, Дашкова говорит сначала о письме, привезенном Измайловым: «Оттуда (из Ораниенбаума. – О. И.) император послал генерала Измайлова с изъявлением покорности и обещаниями сложить корону». Далее Дашкова рассказывает, что императрица направила к Петру Федоровичу Измайлова, «заклиная убедить его в необходимости сдачи, дабы избежать многочисленных несчастий, предотвратить которые, в случае отказа, будет невозможно»⁴². Княгиня Екатерина Романовна тут же сообщает следующую любопытную подробность: «Императрица уверяла, что считает своим долгом сделать жизнь Петра приятной в любом удаленном от Петербурга им самим выбранном дворце и что, насколько будет в ее власти, она исполнит все его пожелания»¹⁸⁵. В каком-то смысле это заявление совпадает со сказанным в письме к Ст.-А. Понятовскому и письмом Екатерины II к В.И. Суворову. Однако вернемся к тексту Дашковой. Только после этого она пишет: «Недалеко от Троицкого монастыря императрицу встретил вице-канцлер князь Голицын с письмом от императора». Но о том, что говорилось в этом послании, Дашкова, по-видимому, не знала.

Несколько другую картину событий сохранил для нас барон А.Ф. Ассбург, записавший не позднее 1765 года следующий рассказ Н.И. Панина. «По дороге из Петербурга в Петергоф, – сообщает он, – часто встречались голштинские гусары, которых Петр высылал, чтобы выследить движения государыни, о чем он уже имел сведения; их всех захватывали, равно как и всех лиц, которые находились при Петре и покинули его в ночь его поездки в Кронштадт. В

⁴¹ В переводе с английского в герценовском издании это место звучит так: «Прежде чем расстался с Петербургом (?), он написал две или три небольших записки императрице; в одной, как я узнала, он произнес ясное и решительное отречение от короны; назвав некоторые лица, которых он желал иметь при себе, он не забыл упомянуть о некоторых необходимых принадлежностях своего стола, между прочим просил отпускать ему вдоволь бургундского, табаку и трубок» (*Записки княгини Е.Р. Дашковой*. Лондон, 1859. С. 61–62).

⁴² Кстати сказать, сама Екатерина II в «Обстоятельном манифесте» так рассказывает о предложении, сделанном ей Петру Федоровичу: «По таковым добровольным его к нам отзывам своеручным, видя, что он еще способ имеет с голштинскими полками и некоторыми малыми полевыми при нем случившимися командами вооружиться противу нас и нас понудить ко многому неполезному для отечества нашего снисхождению, имея в руках своих многих знатных двора нашего мужеска, и женска пола людей, к погублению которых наше бы человеколюбие никак нас не допустило и скорее бы убедило попустить может быть прешедшее зло отчасти восстановить некоторым с ним примирением для избавления в руках его находящихся персон, которых он умышленно, уведомившись о возмущении, предпринятом противу его для освобождения отечества, в залог к себе захватил в дом Ораниенбаумский; *все тогда при нас находящиеся знатные верноподданные понудили нас послать к нему записку с тем, чтоб он добровольное, а непринужденное отрицание письменное и своеручное от престола российского в форме надлежащей, для спокойствия всеобщаго, к нам прислал, ежели он на то согласен; которую записку мы с тем же генералом майором Измайловым к нему и отослали* (курсив наш. – О. И.) (*Законодательство Екатерины II*. Т. 1. С. 68).

числе этих лиц был вице-канцлер князь Голицын, посланный Петром к Екатерине с письмом, в котором император отдавал себя в ее волю. Голицын в открытом поле принес присягу Екатерине... Между тем Екатерина прибыла в Петергоф, откуда и отправила Петру ответ на его письмо, присланное с вице-канцлером Голицыным. Екатерина потребовала от Петра формального акта отречения от престола, каковое и было им написано собственноручно. Она указала ему самые выражения, которые следовало употребить. Петр написал акт своею рукою и был препровожден из Ораниенбаума в Петергоф в одной карете со своею любимицею Воронцовой и еще с двумя другими лицами»¹⁸⁶. Примечательно, что через три года после указанных событий Панин совершенно забыл об участии в них М. Измайлова.

Есть еще одно воспоминание о письме Петра Федоровича. Правда, оно выглядит скорее как легенда. Принадлежит воспоминание современнику событий грузинскому архиерею, рассказавшему о вступлении на престол императрицы Екатерины II. Все, конечно, священник выдумать не мог, поэтому интересно узнать о слухах, которые существовали в то время. «Когда императрица прибыла в Петербург, – пишет он, – она получила письмо от мужа, чрез Адама Васильевича. Сам он лично писал так: “Великая государыня! Истинно я много виновен пред Богом, пред вами и Российской Империею. Умоляю, не убивай меня смертью. Ради Бога прости меня. Вспомни наше венчание и помилуй меня. Я сам знал, что с тобой я плохо поступал, я не был способен ни к тому, чтобы быть царем. Я ныне свидетельствую тебе об этом собственноручною подписью, свидетельствую, что даже помыслом ничего против тебя не возымею”»¹⁸⁷.

О «переписке» Петра Федоровича с Екатериной рассказывает и также безымянный человек из окружения гетмана К.Г. Разумовского, что особенно интересно. После неудачи в Кронштадте император будто бы решил припугнуть Екатерину и написал ей письмо, в котором говорилось: «Ежели подержится с своим намерением, то не увидут виселниц, кои-де от Аренбова до Петербурга будут поставлены виселицы...» Сама Екатерина II в «Обстоятельном манифесте» от 6 июля говорит, отмечая изменение позиции Петра Федоровича: «И как то, так и другое письмо (доставленные с Голицыным и Измайловым. – О. И.), наполненные ласкательствами, присланы были *несколько часов после того, что он повеление давал действительно нас убить, о чем нам те самые заподлинно донесли с истинным удостоверением, кому сие злодейство противу живота нашего препоручено было делом самим исполнить*» (курсив наш. – О. И.). В небольшой записке, посвященной событиям того времени, Екатерина II называет «убийц». Она пишет, что «приехали князь Трубецкой и фельдмаршал Александр Шувалов. Они были посланы удержать два первых гвардейских полка, шефами которых они были, и чтобы убить императрицу», но «они пали к ее ногам и рассказали ей о своей миссии и затем отправились принести присягу». А до них к Екатерине приехал от Петра Федоровича канцлер Воронцов, чтобы «высказать императрице упреки за ее бегство и потребовать от нее объяснений этого»¹⁸⁸.

О том, что Петр Федорович хотел своей жене «свернуть шею», говорит, например, А. Шумахер¹⁸⁹. Он же сообщает о том, что Петр Федорович приказал кабинет-секретарю Волкову составить письмо Сенату, в котором «строго призывал к его верности, оправдывал свое поведение в отношении собственной супруги и объявлял юного великого князя Павла Петровича внебрачным ребенком». Но письмо это до адресата не дошло, а было передано Екатерине¹⁹⁰. Она сама рассказывает о подобном случае в письме к Ст.-А. Понятовскому от 2 августа 1762 года: «Когда я выступала из города, ко мне подошли три гвардейских солдата, посланные из Петергофа для того, чтобы распространять манифест среди народа, и сказали мне: “Возьми, вот что поручил нам Петр III, мы даем это тебе и радуемся, что имели этот случай присоединиться к нашим братьям”»¹⁹¹.

Совершенно очевидно, что Петр Федорович сам или по совету своего окружения сначала пытался запугать супругу и, не исключено, действительно хотел «свернуть ей шею»⁴³. Но положение изменялось не в его пользу. На вызов супруга Екатерина II ответила жестко. Упомянутый человек из окружения К.Г. Разумовского пишет: «Напротиву того послано к нему, что ежели добровольно не отдаст себя в арест, то повелено будет поступить полкам и артиллерии действовать по военному и бонбандировать. Государь, из особливаго уговору Фон Минниха, повторно [послал] к ее величеству с тем, что безспорно отдает себя в арест, и потому от ее величества командирован штаб-офицер в Аренбров с командою, которому государь отдал сам шпагу свою [и] кавалерию...»¹⁹²

Теперь перейдем к сведениям, которые сообщают иностранцы. Начнем с дипломатов. Сразу следует заметить, что у них слухи перепутываются (иногда сознательно) с добытыми из самых близких к главным действующим лицам сведениями. Кое-какой информацией они делились друг с другом.

Первая из известных нам депеш о письмах Петра Федоровича принадлежит саксонскому дипломату Прассе. 30 июня (11 июля) 1762 года он сообщал своему двору о том, что неподалеку от мызы Стрельна императрица получила от «смещенного императора» первое послание, в котором он раскаивался в своем варварском поведении по отношению к супруге, обещал измениться и предлагал полное примирение. На это последовал ответ, что уже слишком поздно говорить об этом и благо империи требует других решений. Движение войск на Петергоф продолжилось. И тогда Петр Федорович прислал жене второе письмо, в котором предавался на милость своей бывшей супруги (*gewesenen Gemalin*) и лишь просил разрешить быть с ним девице Воронцовой и генерал-адъютанту Гудовичу. К нему был отправлен генерал-майор Измайлов, который должен был сказать ему, что если он имеет истинно серьезные намерения сдаться, то он должен прибыть в Петергоф и там узнать свою дальнейшую судьбу. Петр Федорович согласился на это безо всяких противоречий и при прибытии туда сдал свою шпагу дежурному офицеру, ни в чем не возражая. У него были отобраны ордена, но не выполнена просьба о Воронцовой и Гудовиче¹⁹³. В депеше от 12(1) июля Прассе прибавил, что император смирился с тем, что должен был подписать акт отречения (*renunciation*) от здешнего трона и империи, который он подписал: «*Петр, герцог Голицинский*»⁴⁴. Вице-канцлер князь Голицын передал этот акт императрице¹⁹⁴.

Австрийский посланник граф Мерси де Арженто, возможно, воспользовался знакомством с Прассе для получения информации о Петре Федоровиче. В своей депеше от 12 (1) июля 1762 года он также сообщал, что первое письмо Екатерина получила на мызе Стрельна. «Письмо заключалось в том, – пишет граф Мерси, – что он (Петр Федорович. – *О. И.*) сознает всю несправедливость своего обращения с этою государынею, но искренне желает примириться с нею, разделить с нею престол и самодержавие. Однако императрица ответила ему так: теперь уже не до подобных предложений, дело касается счастья, безопасности и благоденствия Русского Государства, он же, царь, должен безропотно покориться, если не желает довести дело до крайнего предела. После такого ответа императрица продолжала с войсками свой путь к Петергофу, где до нее дошло второе письмо ее слишком поздно раскаявшегося супруга, в котором он сдается безо всяких условий с единственной просьбою: дать ему приличное содержание и оставить при нем девицу Воронцову и генерал-адъютанта Гудовича. На что от новой императрицы последовал короткий последний ответ: он должен немедленно явиться в Петергоф, что и было исполнено им. Во время его приближения к Петергофу императрица отправилась в сад, а между тем царь был арестован (при вступлении во дворец он вынужден был

⁴³ Шумахер так передает слова Петра Федоровича, узнавшего о бегстве супруги из Петергофа: «Все, чего я желаю, – это либо свернуть ей шею, либо умереть прямо на этом месте» (*Шумахер А. Со шпагой и факелом. С. 285*).

⁴⁴ Примечательно, что о такой же подписи говорит Гельбиг в «Биографии Петра Третьего» (с. 152).

смирненно вручить свою шпагу находящемуся там с отрядом офицеру) и, по снятии орденской ленты был отвезен, как меня уверяют, в Шлиссельбург»¹⁹⁵. Примечательно, что тут ни словом не упомянут М. Измайлов и акт отречения.

Через некоторое время, по-видимому, граф Мерси получил новые данные по поводу писем Петра Федоровича. 24 (13) июля он сообщал своему министерству: «После прибытия царя в Ораниенбаум, в великом смущении держали совет, и когда царь ясно увидел, что после того, как дело зашло так далеко, не осталось никакого средства снова взойти на русский престол; тогда, по внушению фельдмаршала Миниха, он написал очень смиренное письмо к здешней монархине, в котором сдается ей, между прочим, в весьма трогательных выражениях дает ей заметить, что охотно уступает правление в полной надежде, что она окажет ему, как своему супругу, надлежащее снисхождение. *Но так как русская императрица ничего не ответила царю на это*, а фельдмаршал Миних, ровно как и генерал Измайлов (который командовал немногими в Ораниенбауме находящимися войсками) продолжали непрерывно и убедительно свои представления, то царь вторым письмом отдавал себя вполне на волю нынешней государыни, и для большой убедительности в своей искренности вручал ей шпагу и все ордена, и в день своего тезоименитства был переслан в Петергоф, откуда отвезен генералом Измайловым в 40 верстах лежащий отсюда летний дом, называемый Ропшею и принадлежащий старому фельдмаршалу Разумовскому, брату гетмана, а оттуда уже отправлен в Шлиссельбург. Те, кто видел, как царь возвращался по каналу в Ораниенбауме и приставал к берегу, наблюдали, что когда он шел пешком от начала канала до дворца свыше 2-х верст или 3000 шагов, то был так огорчен, поражен и робок, что щеки, даже все тело дрожало от страха...» (курсив наш. – О. И.)¹⁹⁶. На рассказ графа Мерси, по-видимому, повлиял и опубликованный 6 июля «Обстоятельный манифест». Примечательно, что инициатором сдачи Екатерине выступает у австрийского посланника фельдмаршал Миних, когда все другие иностранцы утверждают, что последний призывал к борьбе.

На следующий день, 13 (2) июля, свою депешу направил на родину француз Л. Беранже. В ней говорилось: «Император, не видя ни малейших средств к спасению, написал письмо императрице, в коем признавал свои вины, предлагал примирение и совместное правление. На сие императрица ничего ему не ответствовала. Через недолгое время послал он ей второе письмо, где умолял о прощении и просил для себя пенсию и дозволение удалиться в Голштинию. Императрица отправила к нему акт об отречении, который повез генерал Измайлов, коему велено было заставить его подписать оный и сказать ему, что ежели вздумает он сопротивляться, то никто не поручится за его жизнь. Генерал приехал в Ораниенбаум в сопровождении одного только слуги и подал императору акт отречения, а когда тот стал уклоняться от подписания, Измайлов сказал: “Моя жизнь в ваших руках, тем не менее, я арестую вас по приказу ее величества”. Он снял с него орденскую ленту и отвез из Ораниенбаума в Петергоф, где его поместили в те же апартаменты, кои занимал он, будучи еще великим князем. У императора были отняты все знаки суверенного его достоинства, его одели в шлафрок, в коем он так и оставался до окончательного своего исчезновения. Трагедия сия завершилась в семь часов вечера 10 июля. Петр III выказал при всех сих событиях наивеличайшую трусость»¹⁹⁷. Не исключено, что это наиболее вероятное изложение действительного хода событий. Издатель «Дипломатической переписки французских представителей при дворе императрицы Екатерины II» писал, что Л. Беранже был всегда очень хорошо осведомлен, имея большие и прочные связи в петербургском обществе и черпая свои сведения в самых высоких сферах. Поэтому ему редко приходилось исправлять сообщенные им данные о каком-либо заговоре, аресте и пр. «Беранже, несомненно, – пишет издатель, – был дипломат усердный, наблюдательный, настойчивый и осторожный, справедливо заслуживавший одобрение министра и короля»¹⁹⁸. Но, необходимо

заметить, и Беранже, ненавидевший Екатерину II, также часто ошибался, принимая одностороннюю позицию по отношению к великой императрице.

А вот что в тот же день (2 июля) писал английский посланник Р. Кейт: «В субботу утром, узнав о приближении императрицы с большими силами, послал он вице-канцлера князя Голицына и генерал-майора Измайлова к императрице для переговоров. По прошествии недолгого времени Измайлов возвратился с актом отречения, каковой император и подписал, а затем сел в карету вместе с сим генералом и уехал по Петергофской дороге, после чего никто его более не видел; я так и не смог разузнать, куда именно его препроводили. Говорят, будто в акте отречения есть статья, обещающая ему свободное возвращение в Голштинию... Говорят, будто император пожелал для себя всего лишь сохранения жизни и хорошего обращения с фавориткою его и адъютантом Гудовичем»¹⁹⁹.

Многое мог пояснить в этом деле непосредственный свидетель событий – Я.Я. Штелин, но в своей записке о последних днях царствования Петра III он молчит о письмах Петра Федоровича и только замечает, что в Петергофе «он изъявил согласие на все, что от него потребовали». Об этих письмах Штелин должен был знать хотя бы по «Обстоятельному манифесту» от 6 июля. Видимо, он крайне отрицательно относился к упомянутым письмам и отречению Петра Федоровича.

Любопытные детали сообщает по поводу рассматриваемых писем весьма осведомленный датский дипломат А. Шумахер. Он пишет: «Тогда этот несчастный государь отправил с вице-канцлером князем Голицыным письмо к императрице, в котором он просил ее лишь позволить ему уехать в Голштинию. Но вскоре затем он сочинил и второе письмо, еще более унижительное. Он отказывался полностью от своих прав на российский престол и на власть. Он раболепно молил сохранить ему жизнь, и единственное, что выговаривал себе помимо того, – это позволение взять с собой в Голштинию любовницу Елизавету Воронцову и фаворита Гудовича. Это послание он переслал с генерал-майором Михайлой Измайловым. *Оба письма были на русском языке.* Их вручили императрице в упомянутом монастыре... Когда генерал-майор Измайлов вернулся из Петергофа, император немедленно написал присланную с ним на русском языке формулу отречения от российской короны и тут же подписал ее в надежде, что это позволит ему отправиться в Голштинию» (курсив наш. – О. И.)²⁰⁰. Сообщение Шумахера о том, что письма Петра Федоровича были написаны *по-русски*, противоречит свидетельству самой императрицы, о котором мы говорили выше.

Автор известной книги «История и анекдоты о революции в России в 1762 году», Рюльер, упоминает только об одном письме. Согласно его драматическому, но, скорее всего, во многом выдуманному рассказу, основную роль в написании Петром Федоровичем письма к Екатерине сыграла Елизавета Воронцова: «...Его любезная, обольщенная надеждою найти убежище, а может быть, в то же время для себя и престол, убедила его послать к императрице просить ее, чтобы она позволила им ехать вместе в герцогство Голштинское. По словам ее, это значило исполнить все желания императрицы, которой ничто так не нужно, как примирение, столь благоприятное ее честолюбию». Тут Рюльер вводит фельдмаршала Миниха, который, узнав о решении Петра Федоровича распустить солдат и уничтожить всякие следы возможной обороны, страшно возмутился. «При сем зрелище Миних, объятый негодованием, спросил его, – пишет Рюльер, – ужели он не умеет умереть как император, перед своим войском? “Если вы боитесь, – продолжал он, – сабельного удара, то возьмите в руки распятие – они не осмелятся вам вредить, а я буду командовать в сражении”. Император держался своего решения и написал своей супруге, что он оставляет ей Российское государство и просит только позволения удалиться в свое герцогство Голштинское с фрейлиною Воронцовой и адъютантом Гудовичем». Автор «Истории и анекдотов» не называет ни Голицына, ни Измайлова, а только замечает:

«Камергер, которого наименовал он (Петр Федорович. – *О. И.*) своим генералиссимусом, был послан с сим письмом...»²⁰¹

Г. Гельбиг уделил в «Биографии Петра Третьего» много места рассматриваемым письмам²⁰². Но это во многом, скорее всего, догадки бывшего дипломата. Он начинает с того, что Петр Федорович, возвратившись в Ораниенбаум из неудачной поездки в Кронштадт, заснул, но через некоторое время пробудился от кошмара. Он тотчас же потребовал перо и чернил и написал свое первое письмо к императрице, своей супруге. Содержание его, по словам Гельбига, было следующее: император, признавая свою несправедливость, хотел примириться с императрицей и разделить с ней власть. Но надежды на действие этого письма, как утверждает Гельбиг, не было никакой. После его написания Петр III вернулся с плачущей графиней Елизаветой Воронцовой по ее просьбе во дворец. Там он нашел дамское общество в слезах. Женщины набросились на него с причитаниями, сделавшими его состояние еще более безотрадным, что выразилось в его внешности. Все, кто видел Петра Федоровича в это время, утверждали, что он неузнаваемо изменился. Он пошел в глубокой печали в Японский зал, где упал без сил⁴⁵. Когда он вновь пришел в себя, то позвал русского священника.

Прежде чем пойти в Японский зал, как утверждает Гельбиг, Петр Федорович *показал некоторым персонам написанное им письмо (от которых узнали о подлинном его содержании)*. Особенно он хотел знать мнение своего друга Гудовича и графа Миниха. Оба порицали этот шаг Петра Федоровича. Особенно резко отозвался о нем фельдмаршал, заметив, что император ничего благодаря этому не получит. Более того, он советовал ему идти самому к императрице и, как он выражался, положиться на ее решение («auf Discretion zu ergeben»). Однако император, который был доволен тем, что написал письмо, не только в нем ничего не изменил, а, напротив, как можно быстрее отослал его своей супруге. Между тем императрица в своем медленном движении достигла обители Святого Сергия, неподалеку от дворца в Стрельне. В этом монастыре Екатерина получила письмо своего мужа из рук вице-канцлера князя Голицына, но ничего на него не ответила. Она заявила громко и публично: «Она не даст ответа на это послание; уже слишком поздно и благо империи требует иных решений». Императрица со своими войсками двинулась дальше и достигла в 10 часов Петергофа, где она получила второе письмо императора.

Не дождавшись ответа на свое письмо, Петр Федорович понял, как правы были его друзья. Он решил еще раз написать своей супруге. По его просьбе в этой работе ему помогли Елизавета Воронцова и Гудович. Гельбиг так излагает содержание этого письма: «Он еще раз просил прощения у Екатерины; отказывался от права на российскую корону; желал получить пенсию и просил о разрешении уехать с Гудовичем и Елизаветой Воронцовой в Голштинию». После того как он написал это письмо, он казался очень успокоившимся. Это письмо он поручил доставить Михаилу Измайлову, на которого он положился и который его предал. Когда императрица прочла это письмо, она опять заявила, что не намерена на него отвечать⁴⁶. К Петру Федоровичу был послан Измайлов, соблазненный будто бы деньгами, наградами и чинами, с секретной инструкцией привести императора.

Голштинец Д. Сивере подтверждает в своих воспоминаниях последнее сообщение Гельбига. Он пишет: «В десять часов прибыл генерал-майор Измайлов (он прежде казался добрым другом, недавно произведен в старшие поручики и пожалован Анненским орденом) с предъявлением желания императрицы, чтобы император отрекся от престола и приказал своим людям держаться смирно: тогда не будет им никакого худа. Каждый остался этим доволен, так как

⁴⁵ Этот факт подтверждается Я. Штелиным: «По просьбе дам государь распускает гарнизон по квартирам и переходит в Японскую залу большого дворца. Тут ему несколько раз делается дурно, и он посылает за священником тамошней русской церкви».

⁴⁶ Но, как мы знаем из «Обстоятельного манифеста», Екатерина II все-таки послала Петру Федоровичу какую-то записку.

ничего нельзя было поделаться против 12-ти с лишком тысяч человек и 60 или 70 пушек, находившихся у императрицы в Петергофе. В половине 11-го часа император должен был отправиться с этим Измайловым в Петергоф. С собою взял он свою графиню Воронцову и Гудовича (которого по прибытии туда поколотили отлично⁴⁷)»²⁰³.

Подлинные письма Петра Федоровича

Палеография

Письмо ПФ1 на французском языке (с PS)²⁰⁴, написанное чернилами, имеет размеры (слева по часовой стрелке): 330 x 220 x 332 x 225 мм; филигрань: литеры GR с короной над ними, называемой «королевским шифром», который служит показателем высокого качества бумаги²⁰⁵. Это письмо складывалось дважды в $\frac{1}{4}$. ПФ1, кажется, написано на той же бумаге, что и ОР2 (филигрань GR).

ПФ2 написано на французском языке карандашом²⁰⁶ на сероватой бумаге размером (слева по часовой стрелке): 137x325x150x325 мм; филигрань Pro Patria. Текст написан вдоль большего размера. Судя же по складкам (основная горизонтальная складка проходит на расстоянии 100 и 97 мм [слева и справа соответственно]), письмо, не исключено, уже после написания было обрезано снизу, что хорошо видно по рисунку нижней грани, свидетельствующей о применении ножниц; возможно, на отрезанной части располагался какой-то текст (как и в случае с ОР2). Правда, этому, кажется, противоречит характер написания – по ширине листа.

ПФ3 написано по-русски чернилами²⁰⁷ на вырезанном ножницами куске бумаги, имеющем размеры: 215 x 215 x 215 x 215 мм; филигрань по типу Pro Patria с литерами ГУБР, означающими: *Города Углича бумажная рольная*²⁰⁸. Письмо складывалось в $\frac{1}{6}$ (пополам горизонтально и два раза вертикально).

СВ написан по-немецки карандашом (с отдельными французскими словами)²⁰⁹ на бумаге размером: 330 x 210 x 327 x 205 мм; филигрань Pro Patria. «Список» складывался (три линии по горизонтали и одна вертикальная⁴⁸). Заметим, что так же было сложено ОР1.

На всех приведенных документах Петра Федоровича отсутствует адрес, который есть на ОР2.

Тексты

Порядок писем дан так, как он имеет место в архивном деле и публикации их в «Собрании сочинений Екатерины II»²¹⁰:

I

Je prie Vostre Majesté destre assuré sûrement de moy et davoir la bonté dordonner qu'on ote les postes de la seconde Chambre parce que la chambre ou je suis est si petite qua peine j i peut my remuer et comme elle scait que je me promené toujours dans la chambre ca me fera enfler les jambes encore je Vous prie de nordonner point que les officiers restent dans la même chambre comme jai des besoins c'est impossible pour moy au reste je prie Vostre Majesté de me traiter du moins comme le plus grand malfaiteur ne scachant pas de lavoit offensé jamais en me recommandant a sa pense

⁴⁷ В упоминавшейся выше записке «Похождение известных петербургских действ» этот факт подтверждается. Ее автор сообщает: «Андрей Гудович оному офицеру досадно говорил: “Как де ти посмел своего природного государя арестовать”, за что получил... множество ударов» (*Осмнадцатый век*. Кн. 2. С. 633). Факт избияния Гудовича подтверждают и другие, например А. Шумахер (*Шумахер Л.* Указ. соч. С. 292).

⁴⁸ Правда, просматриваются еще две чуть заметные вертикальные складки, возможно от первоначальной попытки, от которой отказались.

magnime je la prie de me laisser au plutôt avec les personnes nommé en Alemagne Dieux le lui repayera sûrement et je suis votre très humble

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.